

18+

Александр Стребков

**ЖИЗНЬ —
жестянка**

Книга 2

Александр Стребков

Жизнь – жестянка. Книга 2

«Издательские решения»

Стребков А.

Жизнь – жестянка. Книга 2 / А. Стребков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-533101-4

Стребков Александр Александрович. Родился в 1950 году на Кубани в селе Глебовка Кущёвского района. За свою жизнь сменил несколько профессий: был военным, железнодорожником, строителем и предпринимателем. Представляем на суд читателя роман «Жизнь — жестянка. Книга 2». Ранее вышли: роман-хроника «Курай — трава степей», роман-хроника «Жить запрещено», роман «Жизнь — жестянка. Книга 1».

ISBN 978-5-00-533101-4

© Стребков А.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	26
ГЛАВА 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Жизнь – жестянка

Книга 2

Александр Стребков

© Александр Стребков, 2021

ISBN 978-5-0053-3101-4 (т. 2)

ISBN 978-5-0053-3102-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Стребков Александр Александрович.
Родился в 1950 году на Кубани в селе Глебовка Куцёвского района.
За свою жизнь сменил несколько профессий: был военным, железнодорожником, строителем и предпринимателем.
Представляем на суд читателя роман
«Жизнь – жестянка» – книга вторая.*

Ранее вышли из издательства:

Роман-хроника «Курай-трава степей». Роман-хроника «Жить запрещено».

Роман «Жизнь – жестянка» – книга 1.

В этом замкнутом круге крути – не крути, Не удастся конца и начала найти.

Наша роль в этом мире – прийти и уйти. Кто нам скажет о цели, о смысле пути?

(О. Хайям.)

ГЛАВА 1

Преинтереснейшая штука жизнь!.. В глаза ударил яркий свет, от чего пришлось плотно закрыть веки. Содрогнулся, появившись на этот белый Свет, спустя время присел и осмотрелся кругом, так ничего вначале не поняв и не приметив значительного: не умея вымолвить и слова, при этом пошпире, разинул ротик и прокричал благим криком насколько духу хватило, от которого мамка чуть было в обморок не упала. Пытаясь постичь истину бытия, скоро стал хвататься за всё, что под руку подвернётся, и в тот же день в один присест всё молоко из груди у мамки высосал, что Бог послал: при этом ворчливо ахнул и проурчал от удовольствия. Тяжело передвигаясь по полу всё ещё с мыслями о еде и горько разрывавшись с ещё совсем глупым лицом и не научившись сквернословить, всунул голову не туда, куда надо и этот так неожиданно оказавшийся ложный путь решил не повторять. Вначале ошеломлённо посмотрел на окружающие вещи и всякую всячину, но тут же, придя в себя, воодушевился бездной перспектив познания и, опираясь пока что только на пе-

редние руки дополз до неположенного места. Долго думал, но выдумать ещё какись, рановато было, повозился озабочено с веником, и окрылённый внезапным открытием случайно встав на ноги, сделал первый шаг!.. Так началось его бытие, про которое совсем недавно он так напряжённо думал, а оно оказывается, у каждого есть и это сущее – под названием Жизнь!

* * *

В повествовании первой книги нашего романа: рыская, выслеживая и снова нападая на след, мы, подневольно увлечшись, последовали по пятам за Федотом-Басмачём в надежде вместе с ним радостно увидеть счастливый финал его приключений, а возможно и значительный кусок его жизни. К сожалению, в выборе главного героя мы ошиблись. Ко всему прочему Федот подло обманул не только нас, но и предал, цинично унизил и оскорбил нашу самую любимую главную героиню романа Аллочку. Вот как раз этого простить ему мы никак не можем вопреки тому, что дороги на земле встречаются и узкие и нам, так или иначе с этим плохим человеком предстоит ещё повстречаться. Скажем прямо, что надежды наши не оправдались, мы так увлеклись, что даже не заметили, как погрузились в пучину никчёмных для нас событий, в которых постоянно наткались на лиц, которые-то в общем счёте нам были совсем не нужны. Потратив на всё это уйму времени считай впустую, которое выразилось в исчислении в целый роман пришли к выводу, что всё начинать надо с самого начала. Причина тому довольно весомая – это проявившееся похабное лицо с замороженными глазами одного из главных героев романа Федота-Басмача. Исправляя ошибку, мы признаём, что в первой части своего рассказа стали на ложный путь, как говорится первый

блин всегда комом. Как не крути, но придётся вспомнить о тех незаслуженно брошенных на произвол судьбы в сальских безбрежных степях друзей Федота. И возможно если нам повезёт, и мы в очередной раз не обмишулимся, то главными героями снова на сцену выйдут Владимир Чижикив по кличке Бекас и его незабвенный друг Лява – в миру Алексей Пасюк. Вооружившись терпением в душе раскаиваясь за свою забывчивость, но вовремя вспомнив о них, придётся вернуться в те неприветливые степи и разыскать двух бедолаг обиженных изначально судьбой и теми людьми, которые встречались на их тернистой дороге. Если хорошо подумать, то они возможно более достойны, чтобы мы о них рассказали подробнее. Поворачиваем свои оглобли туда, откуда когда-то мы и прибыли примостившись на облучке Федотовой колымаги под названием «Тёртая дорога жизни». Огорчаться не стоит, надеясь на счастливые встречи, душевные любовные свидания; снимая шапку, склоняемся перед вероломным

провалом нашей первой части рас- сказа, попытаемся себя реабилитировать. Для того чтобы на- чать свой длинный предлинный рассказ мало того что нам предстоит отыскать в глухомани полупустыни наших главных героев Бекаса-Владимира и Ляву-Алексея, где на ваш вопрос:

«Здравствуйте, разрешите узнать, как нам найти...» – досказать не успели, спраши- вали слишком долго потому и нарвались на такой ответ: «Тебе чего, интеллигент парши- вый... откуда ты взялся?... бакланить будешь в бубен дам... – волчара позор- ный!..». Разговор не состоялся надо идти дальше более покла- дистую личность искать. Вот в таких непростых для нас услови- ях на пути к цели желательно отыскать персонажей достойных. И так как в прошлом мы уже обожглись на всякой рвани бес- призорной, нам потребуются люди особой категории, чтобы вы в дальнейшем не упрекнули нас, сказав, что напрасно с нами связались. Начать придётся опять-таки с того самого Ростовско- го ЖД-вокзал «Пригородный», где мы с вами уже не раз побы-

вали. В те минувшие счастливейшие и не обременённые забо- тами времена, о которых сейчас большинство даже не подоз- ревает, в магазинах на прилавках не было в ассортименте мно- гих блестящих китайских товаров, но зато не было и долгов. Громадные задолженности: по ссудам, ипотекам и кредитам, коммунальных грабительских платежей и всяких налогов на имущество, платы за школу и детский садик, и ещё массу на- думанных платежей, которые пришлось бы перечислять долго. Человек спит спокойно, когда сказанное выше отсутствует, и ему не снятся кошмары, в которых он видит приставленный к горлу ножик и громкие слова в ушах: «Когда скажи, гнида, долг отдашь!..». Бедняга просыпается в холодном поту не отдох- нувший и не выспавшийся садится за руль своей «Хонды» и не- сётся по улице, глаза вылупив от хронического недосыпания на работу чтобы не опоздать, а тут на дороге столб не к месту по- ставили: машина, которая в кредите всмятку: бедняга лежит в больнице загипсованный по уши!.. Нет! Что не говори, а те времена были намного лучше тогда все ездили пассажир- скими поездами и электричками. Вокзалы же являлись центром всей жизни страны и весь советский народ, потому и стремился туда не исключая чиновников всех рангов и высоких партийных

«полу-вождей». Самолётами пользовались довольно редко лишь в том случае, когда время поджимало: спеша на похоро- ны к родственникам, кому-то надо было успеть на спор- тивные соревнования, а кто-то торопился использовать отпуск макси- мально. Легковой авто- мобиль будь то «Москвич» или «Волга» рассматривался, как средство съездить на дачу, на рыбалку в ближайшую деревню или в рощу с любовницей, кстати, многие именно для рощи его и покупали, а так бы как говорил наш ге- рой романа Федот: «Нафиг бы он и нужен!» – других примене- ний этот вид транспорта редко заслуживал, хотя о нём и все мечтали, в душе тая всё ту же рощу. Давным-давно ещё с тех времён, когда появились наконец-то механиче- ские часы, ум-

ные люди подсчитали, что женщины думают о мужчинах не чаще чем раз в неделю и то когда деньги у неё на исходе, а вот мужчины минимум шесть раз каждые десять минут, потому и машина крайне необходима для рощи. Если вдруг кто задумал да ещё громогласно заявил, что он собирается на «Москвиче» отправиться на берег Чёрного моря, на него тут же смотрели как на ненормального, ибо это значило – что с рюкзаком за спиной отправиться на вершины Гималаев. Правда, были ещё допотопные монстры «Икарусы» их можно сейчас увидеть только в старом чёрно-белом кино: это такая длинная кишка с полукруглыми оконцами как на мор- ских кораблях иллюмина- торы; сзади ещё курдюк, как у откормленной овцы: там двига- тель расположен. При работе этого самого мотора всё кругом начинает дрожать и под ногами тоже, вороны возмущённые почему-то разлетаются, а уши лучше бы всего ватой заложить. На таком непростом транспорте чтобы ездить в далёкий пре- далёкий город требовалось быть не совсем бедным – билет стоил денег. Сел в мягкое сидение как в перину или в объятая полной женщины утонул и спи себе от Ростова-на-Дону до са- мого Киева. Реклам тогда ещё не было и большин-

ство народа такого-то и слова не знали; если бы в деревне, к примеру, про- изнесли это слово, могли подумать всё что угодно от оконных рам до матюгов. Тем не менее, она существовала, и наглядно каждый гражданин видел её своими глазами сотни раз за день, только он не знал, что это и есть та самая реклама «Летайте са- молётами Аэрофлота!» – уговаривала красочная надпись в полверсты пассажиров электричек. «Храните деньги в Сберега- тельной кассе!», а где же их хранить, если не там: дома под матрасом украдут – замки на дверях от честных людей, в мага- зине – то, что там лежит – оно и даром не нужно. Совсем не- давно сняли длинной в километр транспаранты «Кукуруза – это молоко! Кукуруза – это сало!». Нету ни того ни другого: оказы- вается не только молока и сала, но и многого чего крайне не-

обходимого. На их место вмиг прицепили ярко красные «Пар- тия – это ум и честь нашей эпохи!». Честь она, говорят, ещё в ранней юности потеряла под кустом сирени, а ума так и не приобрела, лишь сказала на прощанье: «Это мне лишнее и во- все ни к чему проживу и так...». «Мир – Труд – Май!». Трудить- ся за трояк никто уже не хочет, на работу ради при- личия ходят, в мае в отпуск каждый второй намерен отправиться, а с самим миром в Африкан- ских странах как-то снова, сказали не к нам. На всякий случай оставили на ветру истрёпанный «Вперёд к коммунизму!», чем чёрт не шутит, а вдруг и построим?.. хотя строить что либо, никто и никогда ничего и не собирался.

Вокзал жил своей активной жизнью: работала громкая оповещающая пассажиров связь и колокола из алюминия хри- плю орали с микрофонным писком: «Электропоезд до станции Зверево отправляется с пятой платформы, будьте осторожны, на второй путь осаживается состав поезда»... «Гражданка По- пова вас ожидают у второй кассы вокзала уже второй час»...

«Родителей потерявшейся девочки просят пройти в отделение милиции девочка вас там ожидает и сильно плачет». И нако- нец-то дождалась и мы своего оглашения: «Пассажирский со- став, который будет следовать по маршруту Ростов – Волгоград подаётся ко второй плат- форме, будьте осторожны, не перехо- дите путей в непопавшем месте». Микрофон забыла выключить, и оттуда послышалось то, что не предназначалось для пассажиров: «Чего ты стоишь, глазами блымаешь ещё полчаса назад сказала, иди за кефиром... – Ой! блин забыла тумблер выключить!..». Похватав свои саквояжи, мы кинулись искать эту вторую платформу. Заранее хотим вас предупредить, что нас трое. Почему?.. так одному никак с этой задачей не справиться: один должен подсматривать, второй подслушивать и запоми- нать ну а третий соответственно записывать всё в блокнот: из этого, в конечном счёте, что то, да и получится. Через второй этаж вокзала – других путей не существует – по переходу над

путями бежим, запыхавшись на свою платформу. Спускаясь уже по лестнице – видим – на поручнях локтями повис моло- дой с патлатой головой парень, вскинув руку, словно пыта- ясь нас остановить, громко выкрикнул: «Мужики, я тронут вашей торопливостью, но если не за подло двадцать копеек не одол- жите – трубы с утра горят...». Отвечать на вопрос парня време- ни у нас не отыскалось, как и в кармане отыскать эти двадцать копеек, но уже на самом пороге дорогу нам перегородила цы- ганка с кучей детей, одного из которых заку- танного в одеяло она держала на руках: «Куда так торопитесь, червонные коро- ли, за судьбой не угонишься, – сказала она, закупорив проход,

– задержитесь немного, я всё наперёд вам скажу...». Протисну- лись под стенкой, но детвора как мухи облипли наши саквоя- жи, пришлось метров пять по площадке тащить их за собой и наконец-то выскочили на свой перрон. Оглянулись туда-сюда: стоит состав на своём месте – поезд до Волгограда, но не имел, видимо, ни начала, ни конца, ибо взглядом эти концы не про- сматривались. Всунулись в свой тринадцатый вагон от головы поезда, как и указано в билете, когда спросили сколько от хво- ста, то получались те же тринадцать это затем – объ- яснили нам

– чтобы не путались. Вагон «плацкарт – общий» – ну это как Лу- на на небе она-то тоже общая все скопом на неё глядят никому не жалко, а чаще не замечают, есть она там или

давно куда-то пропала. Нашли свои места в загородке на четверых для лежащих людей на полках, но при желании можно разместить семью лежачих в третьем ярусе и четверо стоячих; на наше счастье нас пока токо трое. Сели на жёсткие лавки-лежбища для ночи и с облегчением вздохнули. Через двадцать минут поезд, как обычно несут покойника на кладбище, пополз позмеиному в сторону речки Дон. Переползли по мосту, который чем-то смахивал на этажерку, вскоре очутились на той стороне реки и замерли часа на полтора. Первой оказывается остановкой, была станция «Заречная» – ровно через тысячу семьсот сорок пять с

половиной метров от вокзала Ростов – Пригородный. Через час с четвертью кто-то из наших пассажиров сказал: «До начала второго всемирного потопа, пожалуй, доехать не успеем...». Напрягая зрение, внимательно вглядываясь в стены, принялись осматривать свой плацкарт – загородку, как предмет возможного долгожительства здесь. Одна из стен, как и вторая за нашими спинами были покрыты автографами напоминающие те, что оставили наши солдаты на стенах Рейхстага в далёком сорок пятом. Стали внимательно вчитываться из чего сделали вывод, что на одной стенке расписывались призывники, которых везли куда-то в воинскую часть, а на второй дембеля спешащие домой к любимым. Первая стенка в основном ругательная по напрасно потерянной жизни гласила: «Разлука ты разлука родная сторона!.. Кругом одни подколотные гадуки и сволочи козлячие!.. Сердце потухло – собачья жизнь настала!», вторая стенка говорила о радостях в жизни: «Спешу на кровать!.. Оттянемся, и оттопыримся, Машку к пузу прижмём!.. Не упусти свой шанс расстегнуть её!.. – Дальше шла приписка другим почерком, – Расшевели её и застегнись!..». Дальше читать нам помешали, решили знаменитые афоризмы после дочитать и переписать.

За окнами проковыляла по встречному пути жёлтая ремонтная дрезина, которая на себе громадный электрический столб потащила и мы решили, что затем и стояли – по ошибке кто-то этот столб ненароком сшиб. В эту минуту наконец-то отдохнувший поезд дёрнул со всего маху вагоны так, что наши саквояжи попадали нам на головы и тут он начал своё движение. Мы уже сожалели, что связались с этим проклятым поездом, и настроение было – хоть назад возвращайся, когда неожиданно в просвете перегоронок купе-плацкарта, где мы смиренно сидели, встала проводница. Стояла и молчала, с любопытством глядела на нас, словно вспоминая, где она нас раньше видела. Но мы тут же, разом спросили:

– Будьте добры, скажите уважаемая бортпроводница, станция Батайск через, сколько часов будет?..

– А вам оно зачем?.. – вопросом на вопрос ответила она.

– Видите ли, дело в том, что пока мы вот так едем... – мы бы за это время туда и обратно успели бы ногами, раза три сходить – потому мы боимся чтобы не проспять, а то знаете, вздремнёшь ненароком...

– Так зачем залезли сюда?.. В Батайск автобусы со старого базара, через каждые двадцать минут отправляются.

– Так нам в Сальск надо: друзей повидать о жизни спросить.

– Вы мне голову тут не морочьте!.. – перебила она нас, не дозволив досказать, – то вам Батайск нужен был теперь Сальск, а ну покажите билеты!.. повлезают сюда кому не лень не знают, куда и едут!.. – давай билеты, говорю, чего там чешешься или у вас их отродясь не было?..

– Мы же вам их при входе в вагон предъявляли... вот, пожалуйста, наши билеты мы не зайцы...

– Меня долг обязывает билеты проверять и бороться с такими пассажирами чересчур умными как вы!

– Так мы же, если мне память не изменяет, ничего не нарушали...

– Тогда чего своим языком мелешь... – щас нажрётесь как свиньи, а после Батайска вначале песни орать станете, а потом за вами блевотину убирай!

– Так мы же не пьём совсем...

– Все вы не пьёте, пока не наливают!.. таких трезвенников я в тамбуре штабелем укладывала, чтоб на ближайшей станции спихнуть на площадку.

– Польщён я до глубины души вашим откровением, но это не по адресу. Вы, гражданка бортпроводница, вероятно, чем-то обеспокоены, а на нас решили зло согнать. Строить взаимоотношения с пассажирами столь негативные в самом

начале пути не желательно. Лучше скажите, когда мы в Сальск прибудем ночью или днём?

– Вот когда доедем, зеньки раззявишь, в окно выглянешь и узнаешь... пошла я дальше, вас проверить. Заговорили мне зубы... – забыла, куда и шла!..

Когда проводница ушла, все с облегчением вздохнули, и кто-то негромко сказал:

– Да-а-а, такой бабе палец в рот не клади в раз откусит. Видимо до Сальска доехать, это не в публичный дом сходить, а по началу, казалось совсем рядом.

Сидим, думаем, как бы чайку попить и заодно радуемся, что четвёртого не подселили, неожиданно в просвете снова появилась проводница, остановилась и снова глядит на нас, будто мы вчера что-то у неё украли, наконец, сказала:

– Так... это те, что за Сальск, спрашивали... – нет... мне, кажись не этих надо!..

С этими словами собралась удалиться, но мы успели спросить:

– В какое время поезд прибудет в Сальск?..

Удаляясь уже по коридору, ответила: «Три часа туда три обратно...». Высунув голову за перегородку в спину ей, крикнули: «А от какого часа считать?..». Удаляясь и не поворачиваясь в нашу сторону, в ответ прокричала: «От порога...». Нас это крайне ввело в заблуждение. Вытащили из саквояжа лог арифметическую линейку вместо калькулятора, которого тогда ещё в природе не существовало, скрупулезно принялись на ней высчитывать время в пути. Линейка выдала сногсшибательный результат: по её мнению выходило, что если считать от момента отправления поезда то в первом случае мы уже подъезжаем к месту назначения, а во втором варианте мы там ещё в обед должны были быть, когда ещё и в поезд не селись. Долго крутили линейку в руках и пришли к выводу, что она испортилась – глючить стала, если говорить

языком современным. Тем временем события в поезде никуда не хотели двигаться, пришлось сидеть, положив ладони на колени пока не проехали Батайск, и тут наступила ночь, но мы пока об этом ещё не знали. Разом поглядели вначале налево, глазам не поверив глянули направо – за оконным пейзажем полюбоваться не удалось: с обеих сторон вместо окон висят картины Малевича «Чёрный квадрат», но было подозрение, что кто-то чёрной краской забелил стёкла. Давным, давно пора было пить чай. Тут мы заметили, не применяя линейку-калькулятора, высчитали, что оказывается наш поезд, делает остановки, отсчитав ровно сто тринадцать столбов, ибо это было точно установлено способом – приплюснув щекой к стеклу «Чёрного квадрата». Спустя время, попытались ещё раз посчитать столбы, но они почему-то куда-то исчезли и дальше поехали без столбов, отмерять расстояние не стало почему. Минув очередную остановку, произошло просветление по поводу столбов – нас тащил тепловоз, дымя солярным перегаром, который втягивало в открытые двери прямо под юбкой проводницы. Чаю попить так и не удалось, неожиданно вползли на светлую станцию, на фронтоне которой прочли «Зерноград» – сразу поняли, это здесь где пшеницу выращивают. Стояли долго и уже решили без чаю укладываться спать, но матрас почему-то никому так и не дали видимо за ним требовалось идти и брать самому: это наше упущение, но вскоре бабка, к нам зачем-то просунувшая голову из-за перегородки развеяла наши заблуждения, сказав: «Какие вам, милок, матрасы... их дают, начиная с тех, кто до-Котельниково и дальше...». На голой полке и на кулаке под головой сильно не поспишь видимо потому и воцарилось тягостное молчание и снова захотелось вернуться назад, и подмывало кого-нибудь отmaterить. Неожиданно

данно в просвете входа в нашу загородку возникло лицо с громадным синяком под глазом, хотя страдальческий взгляд полно-

стью отсутствовал. В спину это лицо толкала бортпроводница, а оно зачем-то упиралось. В последнюю минуту она со всей силы для надёжности толкнула, чтобы не надумал вернуться, при этом сказала: «Забирайте, пока я его не прибила!..». Мы открыли разом рты выразить возмущение, но было поздно, её уже и след растаял. Личность с синяком под глазом нас либо не замелила или мы не представляли никого интереса для неё. Мы вновь разом открыли рты, чтобы как-то обратить на себя внимание и заодно поприветствовать незнакомца... снова не успели! Расхристанная личность с синяком под глазом недолго думая стала карабкаться на вторую полку. Полез туда, в чём был одет и обут. На подножку, прикрученную к каждой стенке, поставил ногу, и со странным словом: «Пидар-р-ры!..», упал на полку, растянулся и тут же захрапел. Послышался храп похожий странным образом на произнесённое им слово. Мы стали ломать голову и над словом, как и над самой личностью с синяком. Вскоре сивушный перегар до этого заползший вместе с незнакомцем к нам в «купе» был подавлен новым удушающим запахом солярки, из чего мы сделали вывод, что это личность тракторист: недаром и подсел к нам там, где пшеницу выращивают. К тому же это подтверждало и само слово, которое он произнёс перед сном, ибо оно созвучно с трактором, даже когда его заводят, в унисон звучит, или запчасть к трактору. Если запчасть, подумали мы, – тогда куда она дельась?.. Пока мы размышляли, с верхней полки тонкой тягучей струйкой до самого пола потекла слюна от тракториста. Этого нам только и не хватало!.. Дружно вспомнили, что собирались идти за чаем. Из своей загородки выходили, прижавшись к полкам аккуратно обходя свисающую жидкую верёвку, а выйдя в коридор, от волнения забыли в какую сторону идти. Шедший первым свернул налево мы пошли за ним – это оказалось ошибкой, чай был не там, но этого мы не

знали. Медленно продвигаясь вперёд, стараясь не разбудить уже спящих пассажиров, при этом лицом отстранялись от торчащих ног из полок плацкарта. Об этом стоит рассказать подробнее, ибо, когда шли туда, на полную мощь работала левая ноздря, а когда возвращались обратно, она отдыхала, вместо неё заработала правая часть носа. Первыми встретились на нашем пути валенки той бабки, которая насчёт матераса нас просвещала. Вначале резко ударило запахом овечьей шерсти, напомнив нам о том, куда мы едем, но тут – же новый запах подавил предыдущий нашатырём в совокупе камфары, скипидара и ещё какой-то мази экзотической, которая нам была неизвестна. Этот промежуток коридора прошли, чувствуя появившееся головокружение. Минуя своим лицом эти валенки, заодно кинули взгляд на старуху – лежала та на спине, сложив на груди сцепленные руки, вероятней всего бедняжка к загробному миру готовилась. Пошли дальше и следующим на пути – голые ноги торчали! Это видение немного морг напомнило, обычно там такие ноги изпод простыней выглядывают. Ноги какие-то странные, больше на запечённые свиные окорка похожи, которые на рынке в мясном отделе на крючках висят. Запах на удивление отсутствовал, но немного тройным одеколоном пахивало. Очередные оказались кирзовые сапоги не снятые с ног видимо по причине своей дороговизны. От них несло коровьим навозом – это решили мы – животновод ночует. В следующей загородке к нашему разочарованию ничего не торчало. Поравнялись и на время застыли. Предстала картина, напоминавшая нам, где Запорожские казаки пишут письмо турецкому султану с одной только разницей, что у казаков карт игральных в руках не было, их тогда ещё не придумали. Откидной столик тот, что под окном присобачен, завален вами не первой свежести: по запаху слышно было, что видимо курица давно пропала, а всё это дополняла гора бутылок

всех мастей. Посреди на полу между полками чемодан лежит и на него карты игральные бросают: размах для руки свободный потому и хлопки с оттягом чередовались, и это сильно напоминало, когда пощёчины дают кому-то. Играли в игру непонятную, а может они

были по профессии ассенизаторами или водопроводчиками сделали мы вывод из их громких выкриков: «Куда пошёл?.. продуй дупло!..».

На это замечание сидящий мужчина напротив, ответил не менее загадочно: «Ты, пентюх, в дырку не подглядывай!.. ку- да валета бубнового дел?.. утопить тебя в нужнике надо!..». Чем дольше мы слушали, тем непонятней нам игра эта казалась и вот новый выкрик: «Заигрался сучий потрох... – выбрось нахрен всю ту шваль!.. зачем ты её нагрёб полные лапы?..». Приняли решение, что от азартных игр надо быть подальше с тем и двинулись своим путём. Вот тут-то нас надолго остановило препятствие, которое глубоко в душе преодолевать требовалось, а мы, к сожалению, к этому не готовы были.

Из-за перегордки выглядывала женская ножка и почему-то одна: в капроновом чулочке такая элегантная красивая и душистая: стали принохиваться не иначе духи «Красная Москва». Всем захотелось вначале прикоснуться к ножке, потом погладить нежно её, а там что Бог пошлёт!.. – но вовремя одумались и отказались от этой рискованной затеи, а вдруг проснётся!.. Стоять долго смотреть и вдыхать приятный запах этой ножки было неприлично, пришлось идти дальше. В следующем базочке – играли в домино. Что это такое мы знали не понаслышке: такие чёрные костяшки с белыми кружочками, но не они привлекли наше внимание, а можно сказать даже наоборот мы на эти костяшки вовсе не смотрели, нас заинтересовала сама игра по причине своей опять-таки непонятности. Так увлеклись и заслушались, пытаясь разгадать этот ребус, что забыли, зачем и шли. Диалог между игроками в карты и домино отличался по своей сути самым

существенным образом. В эту минуту позвучал призыв тот, что кричали ещё на баррикадах в Париже во времена великой французской революции, от этого лозунга мы даже разом на месте подпрыгнули: «Ты куда её суёшь, козёл!.. рыбу, сука, не делай!..». На столь конкретное замечание виновник видимо на правах Гавроша с обидой ответил: «Где я возьму тебе баян?.. он всего один и это тебе не м...», – дальше последовало нехорошее слово, которое связано с каким-то насекомым мы его за ним повторять не станем, но окончание этой тирады гласило: «...чтобы плодиться в укромных местах... – может у себя поищешь?..». В ответ прозвучало примирительное обращение: «Козлина ты безрогая!.. отправлю туда, где раки зимуют!». Ответ был для нас не совсем понятен: «Сейчас разбежался!.. рога поломаешь, и жинка новые наставит...». Но тут в диалог вступил третий товарищ, который сцепив до кучи зубы и проскрежетав ими, как рашпилем по металлу вымолвил своему напарнику сидящему напротив: «Куда, падла, голого дел... в штаны засунул?..». Ответ, как и первый, мало, понятен был: «Ты жертва аборта!.. не задавай козлячих вопросов, пасть распахнул я его и в глаза не видел!..». И тут же через секунду ударил костяшкой со всего маху, крикнул: «Всё в ажуре нюх подвёл: комплект с компотом на цифире – вы, ребята, козлы!..». Мы пошли дальше, вспомнив о том, куда направлялись изначально. В очередной плацкарте была тишина: лишь слышалось непонятное звучание, словно из-под земли: «У-у-у-о-о-о-у...». Чтобы удовлетворить любопытство, заглянув туда, вдруг поняли, что люди с каким-то богом общаются на своём языке. Кто он был этот бог, было не совсем ясно, может быть, Моисей, а вероятней всего Кришна, ибо большая борода, свисавшая на колени и лысые черепа, именно об этом и говорили, остальные участники ритуала сидели, сложив до кучи свои ладошки. Засомневавшись на минуту, подозревали в них киргизов, кото-

рые направляются в свои родные края или дагестанцев едущих кружным путём через Астрахань, чтобы по пути осетровой икоркой разжиться. Чтобы не отвлекать людей от медитации пошли дальше, где носом тут же уткнулись в висевшие на подножке портянки отдающие запахом, который убивает комаров наповал, но сейчас была зима, и комаров не было. Не стали задерживаться и равнодушно зажав ноздри пальцами, прошли мимо скорым шагом в самый конец вагона и тут только поняли, что шли сюда в такую даль зря. В конце вагона справа стоял ящик для мусора слева дверь в туалет. Оказываясь, выйдя в коридор, повер-

нули не туда, и теперь нам предстояло преодолеть путь в обратном направлении, но чтобы не считать вояж напрасным решили впрок сходить в туалет по лёгкому. Этого сделать не удалось: сколько мы дверную ручку не шевелили туда-сюда – дверь молчала. Дорога домой всегда короче это все знают, но было всё-таки препятствие, которое преодолеть без остановки мы никак не решились – это всё та же красивая женская ножка, возле которой мы вновь застряли. Передать доступным языком те чувства которые нас посетили в те минуты роковые в душе у каждого из нас крайне сложно: это гамма страстей в совокупности с мысленным лобызанием всех доступных и не очень мест человеческого тела вплоть до кусания зубами и работы на ощупь в темноте того вечно скандального языка. Постояли, понюхали, повздыхали и помечтали с чем как побитые собаки и побрели, опустив головы дальше. Эта девичья ножка у каждого в голове продолжала мучить нас ещё часа два, и мы не могли от этой навязчивой мысли никак избавиться до тех пор, пока одному из нас не пришла в голову идея высказать её: «А вдруг, – сказал он, – у неё всего одна нога... – второй-то мы не видели?..». После такого высказанного умозаключения мысль о красивой ножке из мозгов сразу мгновенно стёрлась как на магнитофонной ленте. Попросту испарилась и мы обрели покой, и сразу

вспомнили за свой чай, который должны были выпить ещё часа три тому назад; приняв решение напиться впрок, чтобы попусту не тревожить вагоновожатую снова вышли в коридор. Сейчас мы шли в правильном направлении, подойдя к двери купе-клетушку проводницы и приоткрыв её извиняющимся голосом, собрались спросить, но не успели!..

– Чего вам?.. – спросила она и, не дожидаясь нашего ответа, выпалила как из гранатомёта, – если водки то кончилась... – есть коньяк, но он в три раза дороже, чем на Будёновском, а чача – если тара есть у вас. Мою всю растащили. Стаканы из-под чая не дам и так уже все перебили. Чё глаза вылупил?.. если хотите чачу пейте здесь от пуза, но из одного стакана. Деньги вперёд!..

– Мы же вам уже говорили, что мы не... – попытались мы разом сказать и снова не успели.

– Чё, ты там говорил, то себе в заднее место запихни! Не будете брать – проваливайте, а мне надо в тамбур идти две-три открывать Егорлыкскую встречать!..

С этими словами проводница встала, отгеснила нас от двери, выйдя в коридор, перед нашим носом захлопнула двери в свою «каюту» после чего провернула ключ в замке. Чаю попить в эту минуту снова не удалось. Закралось в мысли подозрение, что чай здесь редкость или спросом не пользуется, вероятно, тут пьют иные напитки. Делать нечего, побрели и мы вслед за проводницей в тамбур встречать вместе с ней Егорлыкскую, а заодно покурить. На станции на удивление долго не стояли вскоре поплыли медленно как по воде дальше. Мы все трое курили уже по третьей как бы впрок, а проводница всё стояла перед открытой дверью и печальным взглядом провожала тусклые последние огоньки и приплюснутые к земле хаты станицы. Перед глазами проплыл переезд через железнодорожные пути, на котором стояла женщина в жёлтой безрукавке поверх ватника в одной руке

держала такой же жёлтый смотанный на палочку флажок, а второй длинную верёвку шлагбаума – журавель токо без ведра. Проводница проводила долгим взглядом женщину на переезде и с сожалением в голосе сказала:

– Щас нас пропустит дышло на цепок амбарным замком запрёт, в конуру свою залезет и дрыхнуть до утра будет...

– А как же переезд кто транспорт пропускать будет?.. – спросили мы.

– Какой транспорт?.. здесь токо на лошадях ездят да на тракторах и то днём, а щас все спят, а пьяный и так объедет. Вот блин!.. надо и себе в стрелочки переходить хоть выплюсь... и будку поспокойней подобрать.

Со всего размаху захлопнув дверь в вагоне, окинув по очереди нас недовольным взглядом, уже направляясь в коридор, сказала:

– И что за мужики пошли, токо чача им и надо ни одна, сволочь, ночевать не попросилась, токо убирай за ними!..

Следом пошли и мы, но ночевать у нас место уже было, потому, зачем напрашиваться, подумали мы. Вернулись в свою загородку плацкорт. Слюна у тракториста, по-видимому, давно кончилась как солярка в тракторе; на полу круглое мокрое пятно и торчащее заднее место механизатора из вагонной полки: он сейчас отдыхал и общался с перегородкой потому и прошли мы на свои места без препятствий. Подумав плохо о бортпроводнице, мы оказывается, её недооценили, ибо вскоре она к нам сама пришла вначале вросла в пол на проходе, потом сказала:

– Я так и не поняла, чего вы хотели, раз чачу пить не хотите?..

– Нам бы чаю!.. – разом выкрикнули мы коротко, чтобы на этот раз успеть.

– Так бы и говорили, а то мямлите себе под нос что-то. Щас вода закипит, а то тот с бородой как у Хотабыча со

своими лысыми весь кипяток вылакали, куда оно им только влезло обдуться можно. Вам скоко?..

– Давайте по два стакана, – снова одновременно сказали мы.

– На того тоже?.. – кивнула головой в сторону тракториста.

– Нет на него не надо, он пьёт совсем другой чай, тот о котором вы говорили ранее, но ему сейчас не до него. Забудьте о нём, как будто его и нет вовсе.

– Не надо так не надо, но я что-то не пойму, если он не с вами тогда откуда он взялся?..

– Так вы же сами его к нам затолкали!..

– Правильно я его к вам привела думая, что он ваш и билет у него не спросила... – он сам мне сказал, что ему надо туда, где трое!.. Так ладно... я с ним утром сама разберусь, на второй глаз фингал ему поставлю. Вам с сахаром или без?..

– Разумеется, с сахаром и вдвойне, чтобы сладким был...

– Тогда будет дороже – с вас за шесть штук полтора рубля деньги щас пока не забыла. Если хотите быстрее чтобы мне не мотаться сюда туда пошли со мной в кубрик там посидите.

Пошли вслед за ней по дороге кто-то из наших ей в спину спросил:

– Уважаемая, вагеновожатая, разрешите узнать ваше имя и на всякий случай скажите почём у вас сахар?.. мы хотим с собой в дорогу взять на всякий случай...

– Сахар по деньгам, – ответила она, приходя в настроение и довольно спокойно, – а с вчерашнего утра ещё пока что Светой звали.

– И на том спасибо. Между прочим, мы не настаиваем на его цене, мы просто хотим купить немного оптом, если это возможно.

– Вам же не мешок сахара надо... – поищем в закромах. Вошли и остановились в тесном промежутке кондуктор-

ского купе, осматривая места, где бы примоститься: неожиданно в дверях возникла небритая рожа какого-то типа, которая с шумом выдохнула

в это маленькое пространство си-вушный перегар Змея Горыныча, выкатив из орбит глазные яблоки вымолвила:

– Отойди, мужик, в сторону дай с начальницей поговорить... – После этого ещё пару раз дохнул, как будто из воды вынырнул и, обращаясь к Светлане, продолжил, – Светочка, как там будет насчёт выпивона без закусона?..

– Вы точно со свету решили меня сжить!.. может, хватит уже?.. потом таскай вас по коридору на выход, к тому же не помню кому куда...

– Света, буду последней падлой, сам вылезу, если не просплю – клянусь!.. дай – хоть пару пузырей.

– Между прочим, – ответила Светлана, – я как видишь, с людьми разговариваю, а ты ко мне как к вокзальной шлюхе обращаешься, я вам не та, что с кем попало на первую попавшую лавку, на спину падает!..

– Светочка, о чём базар, есть лаве... – выставляй этих хмырей да лезь в заначку свою, а то мужики меня дожидаются, и не обижайся ты на нас по пустякам!..

– На обиженных, как ты знаешь, воду возят, а я ещё пока не водовозка и не лезьте вы мне в душу там и так как коты нагадили.

– Если ты насчёт этих, хмырей, которые тут тебя обложат, так я их быстро за порог выставлю!..

– Ты, сукин сын, тут не гоношись!.. Выставлять, он кого-то собрался – себя лучше выстави!.. осрамишь тут меня!.. и принесла же тебя нелёгкая в недобрый час, как будто тут всё даром даётся... Деньги хоть есть?.. – сделала паузу, спросила она, – предупреждаю, что деньги вперёд и тот номер у тебя не пройдёт, что пойдёшь по вагонам шманать. – Вконец расстроившись, взглянув на нас, сказала, – не обращайтесь внивание на этого юродивого; идите сейчас принесу и вам.

Вернувшись на место, и наглядно узнав внутреннюю сущность вагонной жизни, затаились в ожидании чая в своём кубрике, продолжая невольно вспоминать непредсказуемого типа, который чуть было, не бросился на нас и кто-то сказал:

– Вот что я вам скажу, что из всего этого можно сделать конкретный вывод: оказывается здесь свои законы сосуществования – это как на необитаемом острове, куда выбросило экипаж корабля после его крушения. Представляете?.. первобытные какие-то желания в мысли лезут всё время и та девушка небесное создание с её красивой одной ножкой в чулочке... ну, прямо ерунда какая-то получается!.. поезд этот словно заколдованный – хотя бы быстрее покинуть его. Полная ясность здесь везде отсутствует: возьмём, к примеру, эту старуху, которая у нас по соседству за стенкой лежит – жива она или уже нет?.. вы за последние часы хоть раз видели, чтобы она шевелилась?.. лежит как восковая, то что гроба не хватает. Как прошамкала нам про матрасы и больше ни гу-гу! Поневоле навязываются всякие нехорошие подозрения, а те, что всё время молятся их как рассматривать?.. Можно, конечно скептически допустить, что это всё наше заблуждение, но тогда если судить по самой проводнице, и остальным подозрительным личностям, включая игроков всяких, то мы едем в каком-то поезде призраков. Впрочем, последнее тоже абсурдно: с нас просто смеяться все будут...

В проходе появилась Светлана с подносом в руках – наконец-то прибыл наш долгожданный чай! Ставя поднос со стаканами на столик, сказала:

– Вы не обижайтесь, я, если бы знала, давно бы притащила вам этого пойла. Чучмеки весь кипяток вылакали, а вы оказывается, тоже чаем балуетесь, кто же знал, а так больше никто не просит. Бабка тут где-то рядом с вами прижилась, вроде бы заикалась что-то насчёт чая, а потом или передумала, или перехотелось, но куда-то пропала.

– Да вон её валенки в коридор выглядывают. Ты бы Светочка не посчитала за труд, погляди живая она там или Богу душу отдала?..

– Что вы такое говорите?.. Мне ещё покойников только в вагоне не хватало, а то весь набор интеллигенции!.. Да что там может с ней случиться, я эту старуху давно знаю, она всё к своему внуку ездит в Батайск, а тот всё время из каталажки не вылезает, вот она за него и переживает. Вы чайку попейте, и вешечки потихоньку собирайте, через час будет Сальск, а я пошла.

Под утро, когда на дворе ещё стояла темень хоть глаз выколи прибыли в Сальск. В проходе нашей клетушки возник силуэт проводницы, которая недовольно сказала:

– Кажись ваша станция... – поспать никак не успеваю!.. – задрал подбородок, глянула на всё ещё спящего тракториста, кивнула головой на него, спросила, – этого забирать будете?..

– Зачем он нам?.. мы его первый раз видим, – ответили

мы.

– А мне он зачем?..– удивлённо сказала Светлана, – он мне сказал, что его трое ждут вас тоже трое я и подумала, что вы... – а так... придётся до Котельникова везти, а там, в линейное отделение милиции сдавать. Мне бы лучше, если бы вы его забрали, чем тягаться с ним по вокзалам.

– Нет, извините, но нам он тоже в тягость... простите, будьте любезны, дайте пройти.

Мы ранее уже говорили, что поезд наш не имел ни начала, ни конца так оно и вышло. Посадочная площадка в Сальске для такого состава была коротка, и наш вагон протянули куда-то в глухую темень. Пришлось с высоты прямо на гравий прыгать в эту тёмную бездну. Двое упали на руки, третий удержался, схватившись за остальных под ним лежащих. Вдали мелькали огоньки придавленного к земле города. До самого вокзала идти было недалеко: освещался вход в зда-

ние и пара фонарей по бокам коптели. Дул холодный ветер, который пронизывал все внутренности постепенно пробираясь по телу туда куда не положено. Кто-то сказал: «Наверное, гололёд будет, если не завтра, то через пару дней обязательно...». Разом спросили: «Тебе то откуда известно?..». На что получили незамедлительный ответ: «По приметам видно: грачей не-видать, они перед гололёдом прячутся, боясь льдом покрыться, потом не взлетит...». Не соглашаясь с этим прогнозом, сказали: «Так щас, же ещё ночь, какие могут быть грачи?..». На что получили объяснение: «Потом скажите, когда окажусь я прав, пошли быстрее в вокзал, а то тепло всё выдует из штанов...». Потрясённые до основания недолго колебались, взяли в руки саквояжи и, спотыкаясь по гравию в кромешной темноте, вдоль стоящего поезда устремились под крышу вокзала, чтобы быстрее обречь там тепло. В двести вокзала вскочили с грохотом горного обвала и тут же замерли. Пусто кругом, как ночью на кладбище! Но тут разглядели, что тётка с ведром и веником через зал идёт, обрели спокойствие, что есть живая душа и ринулись к батарее центрального отопления. Металл обжёг ладони ледяным своим молчанием, и тут только дошло до сознания нам, что на улице гораздо теплее, чем здесь в помещении, если ветер в расчёт конечно не брать. За нашими спинами остановилась тётка с ведром; прокуренным и пропитым голосом сказала:

– Чё вы её лапаете?.. вторую неделю Мишка не топит, собака!.. Как поехал в Батайск за углём, так и пропал вместе с шофёром. Наверное, уже весь уголь, собаки, пропили, а ты тут замерзай!.. Чтoб они захлебнулись алкоголики несчастные!..

Наша компания одновременно, как от покойника отскочила от мёртвой батареи и для того чтобы как-то согреться, хлопая себя по плечам и подпрыгивая стали ходить по залу; в это время в окна вокзала проблеснули глаза фар подкатившего на площадь автобуса «Икарус». Вскочив в автобус под

№-1 местного маршрута, в котором почувствовали сразу тепло, вначале споткнулись о втянутые ноги через проход, но вслед за этим закралась мысль, что не всё ещё потеряно и нам-таки удастся достичь цели. Куда ехали?.. мы и сами не знали: главное, что в тепло попали. В дальнейшем предстояла дорога в степь, но как это всё будет выглядеть, представить пока не могли. Одновременно подумав об этом, кто-то вслух произнёс: «Возможно, даже на верблюдах ехать придётся...». В центре салона лёжа на спине с открытым ртом ночевал мужик, вытянутые его ноги перегораживали весь проход, тем самым затрудняя путь пассажирам. В ту минуту, когда мы аккуратно переступали ноги, стремясь в середину салона, где потеплее и прежде чем усестись самим в кресла внимательно вгляделись в лицо лежавшего на сидении – возможно бездомного. Дело в том, что в наши мысли закралось подозрение, что тракторист из нашего плацкарта каким-то образом нас опередил, к тому же и рожа явно схожей была. Вскоре наши подозрения были развеяны самой кондукторшей автобуса. Впереди на переднем сидении кассирша разговаривала с водителем. Она обернулась, на минуту устремила в нас взгляд, словно застрелить собралась, но возможно гипнозом надеясь повлиять

на нас, чтобы сами при- шли за билетами. Наконец она встала, встряхнулась как квочка, поправила ремень на сумке, на которой рулоном болтались билеты, передвинула её к себе на солидный жи- вот и не торопясь направилась в нашу сторону. С первого взгляда феномен личности, в особенности, когда это женщи- на определить сложно, потому, как мы наученные ещё по плацкартному вагону приготовились к самому худшему и не- предсказуемому. Тягостные наши размышление были пре- рваны звуком голоса кондукторши, честно признавшись, мы всех их уже боялись, но на этот раз слова кассирши не к нам относились. Она прошла мимо нас, даже не взглянув в нашу

сторону, а всё её внимание привлекли протянутые в проходе ноги. Неожиданно остановилась, словно вспомнив что-то вполуборота туловища повернувшись в нашу сторону, ска- зала: «Готовьте мелочью под расчёт сдачу ещё нечем да- вать...». Все трое стали рыться по сусекам, выуживая копей- ки, и продолжали наблюдать за кондукторшей. Подойдя к ногам, носком своего сапога постучала по ним, после чего веско и так убедительно сказала:

– Кончай ночевать, алкаш недобитый, скоро на смену, а ты лыка не вяжешь!.. – немного подождала, но ноги молчали и только издавали шумное сопение, как из кузнечных мехов, тогда она продолжила напутствие, приуроченное к пред- стоящей рабочей смене:

– Где ты, сука, на мою голову взялся!.. дома покою нет, теперь и сюда добрался!.. Когда ты уже ею зальёшься и где можно деньги брать на это зелье?.. Бедным девчатам выйти на люди уже не в чем – хоть голыми ходи, а он, падаль, утро- бу свою никак не может насытить!..

Ноги признаков активной жизни не подавали, видя такое дело, к тому же сзади работа ждёт, плюнула на эти ноги и направилась к нам. Подойдя, спросила:

– Ну, шо, нашли?.. тогда давайте.

Вручили кассирше пятнадцать копеек за поезд, получили билеты и, торопясь чтобы успеть, спросили: при этом вспом- нили, как обращался к Светлане её проситель, решив последовать тому же примеру, посчитав, что в этих краях видно так принято:

– Скажите, милая дама... – досказать обращение до кон- ца нам не позволили:

– Какая я вам дама?.. Дамы в колоде карт лежат, а я кон- дуктор-кассир к вашему сведению. А то дама, дама... – ещё валета сюда прилепите того вон шо, на весь автобус растя- нулся.

– Извините нас, пожалуйста, – сказали мы кассирше про- винившимся голосом, – вы нам не подскажите, как у вас тут в степь добираются?

– Вы чё с Луны свалились?.. чё в неё добираться-то – вы- шел за окраину города и иди на все четыре стороны, куда глаза глядят!.. а вы чё не местные?.. и спрашивается, чё вы там забыли?..

– Мы издалека, приехали к вам отыскать нужных нам людей, они в ваших краях где-то овечкам зимнее жильё строят.

– Адрес хоть знаете... название совхоза?

– Нет, к сожалению этого мы не знаем.

– В таком случае ваше дело мутное и сильно хлопотли- вое и я сомневаюсь, что вы их найдёте. Это вам долго искать придётся, может до самой Астрахани. Тут такого хламья как грязи в глубокую осень. Этих бродяг забулдыг столько тут по баранам якшается, что многие из них уже не только свою фамилию давно позабыли, но и имя своё не помнят. Вон ви- дите того что на лавке лежит?.. тоже такой же! Давно соби- раюсь в компанию к тем отправить да всё некогда за этой проклятой работой: работаю по две смены подряд. Даже не знаю, что и посоветовать вам. Вы я вижу люди порядочные не то, что мой алкаш несчастный. Знаете что, сходите в рай- исполком там у них всё на учёте до каждого барана и по всем овцесовхозам в курсе. Зря вы сюда приехали, смотрю на вас – волынка эта не для вас.

– Что совсем безнадёга?.. – спросили разом.

– Вначале сходите в райисполком, а там чем чёрт не шу- тит, гляди, и найдёте кого вам надо.

Прибыв в начале дня в приёмную райисполкома, терпели- во до обеда ждали, когда кончится планёрка и, наконец, нас принял сам председатель. Доходчиво объяснили ему, что мы писатели и намерены написать большой пребольшой роман о

ихних овцах и чабанах. Произведение будет – сказали мы – не в четырёх книгах, как «Тихий Дон», а сразу в шести и будет он называться «Тихая Степь». Шолохов написал про донских каза- ков, а мы напишем про донских чабанов. Ваши чабаны – сказа- ли мы – умеют любить женщин не хуже донских казаков. Вме- сто Гришки, который всё время на лошади там разъезжал; мы на коня свою Аксинью посадим, и будет всё почти как там, а может получится и красивше. В ваших степях если копнуть по- глубже и хорошенько поискать, то кладезей добра человече- ских натур не меньше наберётся. Каждый хочет свою книжку иметь и чтоб про него написали, вот только никого не допро- сишься. Если в ваших степях – сказали мы – Гришку с Аксиньей не отыщем, на крайний случай на роль какого-нибудь Будулая подберём. Все возрадовались в кабинете, даже в ладошки за- хлопали. Нам поверили, и тут же председа- тель с секретаршей взялись за телефоны, непрерывно на них вращая диски, а в паузах между разговорами председатель сказал, что не совсем им подходит название книги, ибо тихо у них бывает: «В году по пальцам дни пересчитать можно». Вскоре к порогу здания был подан для нас транспорт: в бричку впряжены две лошади, тюки свежей соломы в ней и на облучке сидит калмык, уцепившись в вожжи, возможно, ездовой был и не калмык, а казах, но мы способны были отличить только негра от белого. Сердечно попрощались с руководством, вышедшим нас проводить, а те в напутствие нам кричали: «Только не забудьте нас упомянуть!..»

– что мы сейчас и делаем. Зарывшись в тюках соломы с удобст- вом и в тепле, пригото- вились в далёкий путь, но на всякий слу- чай у калмыка, имя его, к сожалению, не сохранилось, спроси- ли, – куда хоть едем?.. На что получили невнятный ответ, что он знает куда, и не раз там бывал. Ну и, слава Богу, подумали мы, и крепко уснули...

Проснулись когда на степь спускались уже сумерки. Спа- ли долго – за весь поезд ото- спались, где ни на минуту глаз не

пришлось сомкнуть. Ездовой увидев, что мы зашевелились, не поворачиваясь к нам, ска- зал: «Подъезжаем куда вам на- до...». Сомневаясь в душе, мы спросили: «А вы уверены?..». Немного помолчав, как бы обдумывая ответ, наконец, ска- зал: «Тех, кого вы назвали, тут два года уже живут, я их как своих ягнят знаю наперечёт...». Переехали по трухлявому мостику через речушку, впереди в отражении рано взошед- шей Луны блестит блюдце озера небольшого, а справа са- раи стоят окнами в землю вросли. Немного дальше за ними два новых стоят: из-за белого пиленого камня и тёмных швов в сумерках смотрятся как будто в клеточку, к тому же окна застеклённые. Метрах в ста вероятно колодец: длинные же- лезные корыта наполненные водой, столб электрический и насосная будка, в двадцати шагах от которой стоит жилой вагончик, над дверьми которого тускло уже светила лампоч- ка. Блеянья овец неслышно было, видимо где-то пасутся вдалеке. В округе стоит запах навоза, бараньей шерсти и крео- лина, которым овец мажут зачем-то, а ещё в нём бара- шек купают. Из живности вблизи бродят беспризорно две лошади, которые обратив всё внимание на нас, вначале на- вострили уши, потом издали храп и мерной походкой двину- лись в нашу сторону. Вполне вероятно, что наде- ялись лоша- ди на сахар, который мы им привезли, но не исключаем: за- видев своих собратьев по тягловой силе, решили с ними по- знакомиться и пообщаться. Метрах в ста от вагончика по на- правлению в глухую степь силуэты двух стоящих людей: сто- ят и вероятно о чём-то беседуют... Мама, родная! Так это же Владимир Чижиков и Алексей Пасюк те, кого мы разыс- кива- ем. Успели вовремя. Ну и, слава Богу, добрались наконец-то. Дальше дело легче пойдёт: успевай только подсматривать, подслушивать, запоминать и записывать!..

* * *

В вечерних сумерках у самого горизонта длинной светлой полосой потухал закат, день уступал место для ночи. На востоке ярко светила первая появившаяся звёздочка, а скорее всего это была Венера или Марс; Бекас не очень был продвинут в области астрономии, но песни слушать он любил, потому в эту минуту увидев её, в голове зазвучали слова песни: «Гори, гори моя звезда... – Лишь у меня одна заветная... – Другой не будет никогда...». Он старался сейчас вспомнить фамилию и имя певицы и никак не мог, помнил только что она полячка так, по крайней мере, говорили все. Смотрел попеременно то, на звезду, то на закат и на саму степь, сколько глаз обозревал, которая простиралась унылая, серая глубоко осенняя и со стороны которой в лицо дул колочий ветер. Бекас стоял вдали от своего жилого походного вагончика в раздумьях и смотрел на этот неприветливый пейзаж. В эту минуту его голову посетили сверхчувствительные и довольно серьёзные размышления. Мысли немного путались, спотыкаясь одна о другую и до полной ясности и просветления пока что было далеко. Нет!.. о том раннем детстве он не вспоминал, ибо по этой части там почему-то был большой белый промежуток – жирным шрифтом кто-то затушевал. В своё время, запечатлённое раннее детство куда-то делось, может быть – подумал он – вот как сейчас ветром их выдуло, а те, что остались – дни сегодняшние – текли сейчас ручейком одна другой мрачнее: «Ровно два года минуло с того «памятного» дня, о котором так не хочется вспоминать, – подумал он, – когда нас троих сюда принудительно доставили. И друга по колонии, который письмо присылал так я его и не отыскал... – у кого только не спрашивал, как в воду канул... степь видно большая. Теперь вот Басмач пропал... – слинял падла!.. к тому же какие-то с собой бабки прихватил, если конечно Джафар не врёт и воду не мутит...».

Вспомнилось то посещение Джафара и разговор со всеми подробностями. Влетев в вагончик, словно где-то горит, он выпалил: «Так, коммуна беспартошная, бабки ваши уплыли вместе с Басмачём. Мы вам до поры до времени об этом не говорили, думали, что отгуляв, сам вернётся, или менты по старой дружбе привезут, а оно как видите – нет!.. Абдула выдал на руки ему вашу зарплату: десять штук отстегнул на всю вашу кагалу; Басмач то бугор ваш!.. он и должен был всё поделит по-честному, кто как пахал. Так что с него и спрос!.. и получается, что вы на эту минуту балалайку в руках держите; не я вам её вручал не с меня и ответ; даст бог, поймаете этого полукровка, яйца открутите – разрешаю. Чё приуныли?.. Ещё заработаете, не последний же день живём... а?..». За спиной послышались шаркающие по сухой траве шаги, которые прервали размышления, но оборачиваться он не стал, зная и так, что это Лёвчик вечно по пятам ходит. Одиночество, точившее червем душу в последнее время висело тяжестью как гиря на ноге и избавиться от этого, он это прекрасно знал невозможно в данное время; хотелось сказать, чтобы Лёвчик оставил его в покое, но сдержавшись, промолчал.

– Бекас, чего ты тут вкопался, – остановившись за спиной друга, спросил Лява, – ты уже целый час тут стоишь и мёрзнешь, оно тебе надо?.. лучшего места не нашёл?.. Не утруждай себя думками, я давно обо всём обмозговал, токо ты ни разу до конца меня так и не выслушал!..

– Расплачиваемся, Лёвчик, за свою глупость, наверное, ты пришёл рассказать, как нам когти рвать?.. Так это я и без тебя знаю. Вот только с чем?.. До первых ментов?.. – Владимир крутнулся вокруг своей оси и, глядя в лицо друга с пылом продолжил, – совершенно согласен, что сваливать отсюда давно пора, но ты-то как я посмотрю умный кругом и Басмача за придурка держал, а он нас сделал как лохов по-

ганых!.. и сейчас где-то на блатхате оттягивается за наши деньги. Лява, ты святой баламут и я тебя умоляю, помолчи ты пока со своими суворовскими планами, кстати, ты на него и похож. Впереди зима, куда мы пойдёмся, глаза вылупив... – в степь замерзать?.. Доживём до весны, а там посмотрим.

– Уговорил, пошли в вагончик. Бекас забей на всё; мозги проветри, а то от этих твоих размышлений и крыша потечёт. Рано или поздно перелистнём и мы эту мрачную страницу жизни... ни у одних нас облом. Дело в том, что как Дыня, так и Джафар вместе взятые могут

врать как твари последние. Лично я сомневаюсь, что ему доверили такую сумму, ну сам подумай?.. десять штук это же целое состояние кто б ему их дал?.. Надо этих своих пидаров патлатых и босоту зоновскую прощупать и пробить – они с Федотом, а некоторые вплотную тёрлись: кто-то из них гляди и знает что-то о Федоте, просто тот мог случайно проболтаться. Поковыляли в вагон, а там как-нибудь и тему для базара прощупаем и пробьём. Должен быть выход!..

Владимир стороной обошёл друга, больше так ничего не сказав, и поплёлся в сторону вагончика. Вскочив по лестнице, со злостью захлопнул дверь перед самым носом Лёвчика, который попытался войти вслед за ним. Бекас прошёл в дальний угол к своей кровати вначале снял обувь затем куртку и увалился в постель; его друг обитал над ним на втором ярусе. Вскоре Лява к себе наверх затащил электрическую переноску с лампочкой, вытащил из-под подушки выдавшую виды толстенную книгу, разделся, улёгся на своё место и приступил к чтению. Книга, которую он читал уже третий год подряд, называлась «Тысяча и одна ночь». Книгу, потрёпанную с пожелтевшими страницами издания ещё начала двадцатых годов можно назвать раритетом; где он её взял?.. скорее всего, он уже и сам не помнил. Дочитывая сказки про Шахразаду до конца, начинал всё сначала. Это и было его

главным досугом. Кроме него из жильцов этого общежития этим делом никто не только не баловался, а даже подхалимски подсмеивались. Как видно настало время, чтобы внести полную ясности нам необходимо подробней рассказать о быте и непростой жизни в условиях степи, как самих участниках событий, так и некоторых особо ярких персонажах. Начнём с вагончика: сварганили эту вагонную кишку в двадцать метров на шасси автотралла, приспособили к нему колёса от трактора, и получилось неплохое жильё. Окна были только на одной стенке под остальными стояли двухъярусные солдатские кровати. Один угол обшит металлом – там стоит буржуйка – и её топят – а чем попало: от угля, киляков, дров и, конечно, иной раз, бурьян туда ногой заталкивают. Лява всегда опасался, что когда-нибудь и его библиотеку сожгут: его сказки все так и называли «Библия царя Соломона». Матрасы, подушки и одеяла также были солдатские, поэтому много раз по этому поводу шутили: «Раз никому в армии не довелось послужить – здесь атмосферу прочувствовать можно...». Вдоль стенки, на которой были окна, стоял длинный стол метров под пять и лавки к нему, но имелись ещё четыре солдатских табуретки: они служили для начальства во времена их посещения, ну и сами пользовались по случаю. Транзисторный приёмник на полке под потолком стоял; новости и песни слушали. Молочный баллон с водой и железная солдатская кружка к нему, ну вот и вся спартанская обстановка жилья. Кто-то спросит, – зачем о таких отморозках рассказывать только время терять. Мы в корне не согласны. Они такие же люди, как и все, коль живут на этом свете рядом с нами, а то, что среди них есть личности волей обстоятельств загнанные в кабалу и в угол, так в том вина их вовсе отсутствует. «Не суди и сам будешь!» – так кажись в Библии сказано. Каждому своё и у каждого своя дорога в жизни. А про кого рассказывать?.. про тех, кто в гал-

стуках и белых воротничках со звездой героя соцтруда в теплом кабинете за полированным столом сидит?.. Так про этих уже целые библиотеки написаны – всё равно тех книг никто про них никогда не читал и не читает. И жизнь у них не

«Жесть!». В народе в то время таким личностям, о которых мы собираемся рассказывать, прикреплено было громкое и звучное название – «Бич!». Как оно расшифровывалось сказать трудно; можно при желании по всякому, к примеру:

«Бродяга – исчадие человека...». Не подходит?.. ну тогда так:

«Богатый интеллект человек» – тоже не то?.. ну, тогда оставим на совести того, кто это придумал пусть он и ломает себе голову. Наши главные герои мало по своей сущности подходили к этому определению, но в этом вагончике были люди со стажем и попросту эта категория иной жизни себе уже не представляла. Мы поведаем только о некоторых из них более

активных в общественной жизни «коммуны», ибо обо всех двенадцати человек рассказывать будет накладно. Здесь все жили и ходили под кличками, а у некоторых имелись их две. Имена свои порой вспоминали с трудом, а фамилию старались навеки забыть – как что-то отягчающее саму жизнь. Кликуху-погоняло сменил и потопал дальше, а фамилия... о-о-о... то, брат, вещь опасная менты её хорошо запоминают. И начнём мы как в армии по ранжиру с Васи Северского, а может Северного, а то и Южного он и сам иногда путался в своей фамилии. Роста был он запредельного в двери в вагончике входил, как в храме богу молятся, ростом явно был больше двух метров. Когда Вася шёл где-то по дороге, то со стороны казалось, что туловище его изгибается сразу в нескольких местах, словно у него и кости отсутствуют. Кликуха была у него Оглобля, но за глаза ещё звали Глистой или Хлыстом. На последнюю кличку он больше всего обижался. Слово «Хлыст» и «Скопцы» ассоциировал в одной ситуации, считая их равнозначными синонимами, и что они обо-

значают совсем нехороших людей – это те, которые по доброй воле лишают сами себя своих мужских достоинств. У турецкого султана подобных личностей называли «Евнухами», разве тут не обидешься?.. Когда Вася случайно слышал такое обращение тут же подбегал и говорил, что может хоть сию минуту предъявить что всё хозяйство на месте.

Многие неоднократно пытались ему объяснить, что у хлыстов свальный грех бывает в определённые дни: это какую в темноте поймал та и твоя, а у скопцов его вообще никакого не бывает, на что Вася уже примирительно говорил:

«Ну, если так, то куда ни шло; мне, пожалуй, это подошло бы; только вот подумал, а если старуха лет под девяносто под лапы подвернётся тогда что с ней делать?..». В ответ ему отвечали: «Не переживай, Оглобля, тебе её не варить и не доваренную, как старая баранина не грысть...». Оглобля числился там где-то в ментовских архивных мемуарах как вор рецидивист – а ну, пять ходок на зону и все за кражу колхозной живности. Давали по мало: впервые ходки до двух лет и только пятую в пять лет оценили, но тут амнистия для тех, кто по мелочи подросла, и получились те же два. Воровал он из колхозного коровника телят, а из свинофермы поросят. Как Вася объяснял не один раз своим сотоварищам, что поросята и телята ему вовсе ни к чему были – это у него хобби такое, когда он изрядно выпьет. Когда Вася был трезвым – в жизнь не взял бы! Был он старый холостяк жил со старухой с матерью в халупе и вероятно за всю его биографию у него один только любовный роман и случился. Было это давно и уже большем поросло: пустили они как-то цыганскую семью квартировать. Цыганка ещё не старая оказалась к тому же, как говорят, ещё и слабая на передок была, а мужу уже порядком лет в то время было. Если бы не злосчастный телёнок, который всю масть и рамсы попутал, то идиллия влюблённости могла бы продолжаться ещё долго и неизвестно чем бы

закончилась, может даже рождением новых детей. В очередной раз хряпнул водочки – трёхлитровую банку самогона и чуть стемнело, через поле пошёл на ферму. К вашему сведению он не подползал попластунски и никого не выслеживал – это для него было бы явным унижением. Шёл нагло напрямик, никого не стесняясь, заходил в телятник затем в базок: взяв телёнка за заднюю и переднюю ноги, взваливал легко себе на шею и направлялся на выход. Следом за ним бежала телятница и кричала: «Куда ты его, изверг, понёс?.. положи, гад, на место теля!.. Тебя, падла, давно из каталажки выпустили... – хочешь опять туда?.. Вернись, говорю и положи теля на место или ты русских слов не понимаешь?..». Но Вася шёл себе, своей дорогой и только изредка не поворачивая головы, отвечал телятнице: «Пошла ты... – пока я тебе его в морду не кинул!..». Телятница бежала к телефону и звонила в милицию. Пока Вася пересекал поле и доходил до своей хаты, во дворе примостившись, где попало, сидели милиционеры и поджидали своего подопечного. Вася спокойно заходил во двор, не обращая на то, что под двором стоит милицейский воронок: аккуратно, чтобы телёнку вред не нанести клал его на землю, погладив по шерстке, говорил молчаливым милиционерам: «Ну, чё уже приехали?.. чё-то быстрое вы... опередили вы меня. В сарай занёс бы хрен доказали бы,

что не мой телёнок!.. ладно поехали...». С поросятами всегда было немного сложнее, ибо те визжать на всю улицу умели, потому два раза отсидев за них, сказал, что век больше не свяжется с ними. Здесь в бригаде он был старожил, как и Бекас с Лявой только с разницей, что Оглобля раньше на месяц сюда прибыл. У Васи был закадычный друг Толян Сидоров, а может и Ведёркин тоже мраком фамилия покрыта; кликуха у него была – Прыщ. Ростом Толян был чуть выше пояса Оглобле, потому вскоре их и подходящим попутным именем наделили «Тарапунька и Штепсель». На этот отзыв

оба не в обиде были и только посмеивались, вероятно, нравилось, что в актёры записали. Вася частенько гладил по головке своего друга как телёнок по шерстке всегда стоял за него горой и даже в работе частенько помогал. Перемещались туда-сюда чаще в паре, и если кто видел что идёт один, мгновенно закрадывалась мысль, куда это второй делся. Толян был родом из Ставрополя, куда за целых три года, если считать год колонии никак не мог добраться. Как и Оглобля был в душе романтик больших дорог и закоренелым холостяком, но, как и у его друга, случай в жизни всё же был: даже можно сказать женился в отличие от Васи. Правда женьба не до конца получилась. Ещё в те времена, когда Толян был намного моложе, отправился он по колхозной путёвке имени «Ильича» в составе бригады в Кировскую область лес заготовливать. Денег оттуда не привёз, как и самого леса в виде брёвен и досок, зато чувашку с собой приволок в качестве жены. Вообще-то жена была непонятно кто по национальности: возможно, марийка или мордовка, а то и якутка, но мать Толяна, с которой он до этого жил в одиночестве долго разбираться в родословной не стала, а сказала, как топором отсекала: «Ещё в моём доме чукчей токо и не хватало, а то все проститутки уже побывали, осталось негрятянку притянуть...». Утром Толя ушёл на работу – пока что искать. На колхоз, кровно обидевшись за что-то, может из-за того что мало заплатили, решил туда не возвращаться. В то время пока он искал по станице работу, мать всучила в руки ново-явленной жене узел с её барахлом, выставила за калитку, а на дорогу напутствие сказала: «Иди, дорогая, вначале прямо потом свернёшь налево и выйдешь на дорогу, а там Бог даст, кто и подберёт. Счастливого тебе пути и гладкой дороги в вашу Чувашию...». Сын вернулся домой и спросил, где и куда жена подевалась, на что мать ответила, что видно ей одного кобеля мало и пошла второго подыскивать. Толян

отправился в розыски жены по станице, где умные люди всё знают. Там ему станичные бабы и рассказали, что невестка, нажаловавшись на свекровь, отбыла на попутной машине в Ставрополь. Придя домой, сын обозвал мать – вонючей шваброй, а к вечеру напился и, побужив немного вдруг вспомнил, что надо следом ехать и искать свою жену чувашку. Утром, уходя со двора, в след ему будто бревном в спину мать крикнула на всю улицу: «Полоумный, шалопаи!.. не вздумай искать ту припадочную, что притянул за собой, иначе я вас обоих топором зарубаю!..». Толян придерживаясь общих правил, что если дело этого стоит – обижаться не стоит, молча, покинул свой двор. Дошёл до угла перекрёстка порывлся в карманах, а там хоть шаром покати: денег-то нету, и ехать за суженой не за что. Сел на ближайшую лавку под чужим двором и стал думать, где денег взять?.. Долго не думал, решение быстро нашёл: в хороших друзьях давно ходил у него Пашка Гоблин – такое погоняло было у того, вот он и выклянчивал продать ему моторную лодку. Сейчас стояла задача, которую срочно надо было решить – это как не про-дешевить. К обеду лодку Толян продал, правда в полцены – больше Гоблин не дал, сказал, что больше в другой раз будет, пересчитав три раза подряд деньги, отбыл восвояси по следам своей любимой. Выскочив на дорогу, к вечеру отбыл в нужном направлении. Каждый советский гражданин, который учился в четвёртом классе, изучая арифметику, усвоил, что два тела, двигающиеся по одной прямой с одинаковой скоростью с разницей в час из точки отправления никак не стичь друг друга не в состоянии. У Толяна преследующего свою чувашку промежуток во времени из точки отправления выдался ровно в целый день. Ехал он, ехал на поезде, но на одной из железнодорожных станций в поздний

вечер, когда порядочные люди укладывались уже на полки спать, его чёрт дёрнул крепко вмазанного выйти на тёмный привок-

зальный пяточок, скорее всего чего-нибудь из пошла поискать. С этой минуты он крупным почерком вписал себя собственноручно в число людей с нелёгкой судьбой. Ранним утром, когда вблизи небольшой железнодорожной станции продолжали ещё распевать петушиные звонкие голоса, Толя проснулся лёжа на лавочке в зачуханном здании станции. Побуждение было тяжким: лучше бы совсем не просыпаться. Один глаз почему-то открываться наотрез отказался, второй узкой щёлочкой сфотографировал стоящего над ним милиционера. Блюститель порядка его не торопил, и терпеливо ожидал. Толян так до конца и не понял, чего ему от него надо было. Ко всему прочему правая рука в плече отдавала острой болью, а спросить мента чё глаза вылупил, не позволял рот, ибо губы склеились до кучи сгустками крови и ни в какую разъединяться не желали. Как выяснилось, через пять с половиной минут в карманах у Толяна не было не только тех денег, что за мотолодку выручил, но и каких бы, то ни было документов: уже после, не научившись ещё по фене ботать, и всякими блатными жаргонами говорить он тогда скажет: «Хотя бы, крохоборы, одну бумажку оставили, там была накладная из колхоза на получение подсолнечного масла...». В тот же день со всеми почестями отправили Толяна на «луноходе» в какой-то ближайший районный центр в спецприёмник, где целый месяц впервые с бомжами вначале познакомился, а потом прозябал на этом курорте в их компании. Но когда выпустили, сказал: «Лучше бы не выпускали!..». Добравшись снова на вокзал, долго размышлял, в какую сторону отправиться: на юг домой или продолжать путь в Чувашию. Денег не было ни в одну из сторон. Усевшись на товарняк на тормозную площадку вагона, сказал: «В какую сторону повезёт туда и поеду...». Получается тем самым, он бросил судьбе жребий – повезли на север, куда голубоко в душе и стремился. В глубинах российских лесов на за-

холустных станциях и мелких городишек, где за каждым куском и поворотом таилась опасность, отчего жизнь у Толяна и пошла колесом: базар, вокзал, милиция и не успел чувашку свою найти, как оказался на нарах колонии общего режима. Дали немного: всего год и то за компанию, потому что и сам Толян толком не помнил; участвовал он в налёте на дачный домик в садах или нет, но точно помнил, что всякие съедобные деликатесы в стеклянных банках: огурчики, помидорчики, кабачки и баклажаны употреблял с аппетитом. Ну, а раз поедал, получи для порядка годик колонии. За забором из-за своего малого роста всучили кликуху – Прыщ, но с авторитетами не поспоришь, хоть и не нравится очень. Спустя время, по мнению и выражению в словах Толяна, когда-то любимая чувашка превратилась в маруху и во всём виноватая стала: из-за неё и судьба набекрень пошла. Когда вышел за ворота колонии, то искать её дальше желание куда-то пропало. В родные края в ставрополье, как мы уже говорили, возвращался напрямки через сальские и калмыкские степи, а по пути абреки в плен взяли, пришлось на время задержаться!..

Следующий не менее интересный персонаж Ваня Лунёв, а возможно и Солнечный под кличкой Микстура, но в «коммуне» на это посмотрели по-своему, прикрепив для порядка второе прозвище – Закваска. В корне не соглашаясь со вторым погонялом, Ваня говорил: «Шесть лет топал на зоне под именем Микстуры, привык давно... к чему мне голову всякой соломой забивать?..». Кличкой присвоенной ещё когда-то в колонии Ваня гордился, ибо наделили его по заслугам за то, что восьмерых зеков включая и себя, он чуть было на тот свет не отправил. Как-то заготовливали в лесу дровишки для кухни и бани зононской. Ваня насобирав в лесу грибочков, как он считал вполне съедобных, а по прибытию в зону наварили вкуснейшего супчика и с удовольствием отведали, после чего промывали, клизмы ставили и боролись в лазарете за жизнь всех

восьмерых не на шутку. Отлежав в лазарете пару недель были как все сказали: «В гроб красивше кладут – вы, наверное, в Бухенвальде побывали... – за грибами снова отпра-

витель?..». Ваня в оправдание сказал: «Буду последней падлой я сам потрясён до основания, но эти опять и березовики меня подвели, перекарасились, суки!..». В тот судьбоносный день Ваня и приобрёл себе кличку – Микстура. Впрочем, как сказали контролёры-надзиратели, что это для них не в диковинку и не впервые, такие супы и раньше варили и ели. Подробно рассказывать об остальных личностях не станем по их незначительности в дальнейших событиях. Поживали и трудились в поте лица своего: Каштан из Бродвея, с какого только не совсем ясно, Шурик – Перс из Еревана, Миша Хромой и прочие подобные остальным чуваки. Предвзято к ним относиться не стоит. Кто бы кошары, коровники и свинарники строил? Не стало бы баранов, коров и свиней, а чем бы тогда питаться, тем которые в галстуках ходят? Так что не такие они и никчёмные люди; кто же должен был эту работу выполнять; жизнь не может состоять только из брызг шампанского и рюмок армянского и французского коньяка, когда тебе кричат те, кто пьёт перечисленное: «Будешь землю целовать, быдло, у ног моих!..».

ГЛАВА 2

В эту ночь на улице подморозило, буржуйка ещё с вечера потухшей молчала, из-под одеяла вылезать никому не хотелось. Проснувшись, лежали в кроватях, натянув одеяло до самого подбородка, и утренний моцион состоял из словесной зарядки.

– Оглобля, – спросил Лёша Ветров по кличке Кочан, – тебе цыганка в эту ночь снилась?.. В прошлый раз говорил, что всю ночь плелась, ты, что тогда так её и не натянул?..

Вася, вероятно обидевшись, подложив под голову руки и глядя в потолок с сарказмом ответил:

– Не удалось, как ни странно упустил случай, хотел тебя позвать на помощь, а тебя не добудишься. Я смотрю, ты озабочен чувствами в заднем и в переднем месте: свербит там?.. походи об дверной косяк почухай. А что насчёт цыганки так она меня провела и удалилась гадать по лапе, таким как ты идиотам.

В эту минуту Шурик-Перс из Еревана проснулся только что или наконец-то дошло до него, что в вагончике сильно, холодно: зевнул на всю пасть как лев африканский, потянувшись, выставив в дырявых носках лапы из-под одеяла, и крикнул так, что все повернули в его сторону лица:

– Доброе утро, фраера! А чё не в масть кому-то затопить буржуйку?.. в такой атмосфере житье не кайфово!.. э-э-эх хряпнуть бы, не помешало водочки стакан и опять набокую!..

– Представь, – сказал Оглобля, – прямо-таки в тему. Вот ты, паскуда, гавкнул тебе и топить, а то я смотрю, ты, Перс, мурый, недаром из Армении прибыл, у них научился?.. ну, прямо как змея, которая в цирке выступает.

Бекас вылез из-под одеяла и стал одеваться, наматывая на ногу портянку, окинул взглядом всех, после чего сказал:

– Хорошо бакланить скотобаза, подъём всем и топите печурку!.. Эй, Бродвей Михалыч, каштан конский – поварёшка ты дырявая чего там от вчерашней баланды твоей осталось, заглядывал в свой жбан?..

– Так это... там одна гуща в бараньем сале захрясла, как раствор в корыте: пробовал долбить, не поддаётся...

– По голове своей, дурак, подолбил бы лучше!.. разжигай примус и керогаз ставь два чайника с водой, потом кипятком зальёшь, всё тщательно перекипятишь, гляди что-то и получится... – утром пожрать что-то же надо! Глухой что ли... чего лежишь, растянулся?..

Михай неохотно поднялся с кровати и стал одеваться. Спустя время он во всём обличьи стоит перед открытой пяти ведерной кастрюлей и колдует над содержимым в ней. Бекас, подойдя сзади заглянув через плечо, стал снова поучать повара:

– Чё, ты там ковыряешь?.. в заднем месте у себя поковыряй. Тебе же было сказано, что надо делать или ты тупой как валенок?.. – взглядевшись на дно глубокой кастрюли, стал ещё больше возмущаться, – Что за хрень?.. вот этими мослами ты нас кормить собрался?.. мы ещё не научились железные трубы зубами перекусывать.

Повар бросил со злостью крышку на кастрюлю обернулся к Бекасу и, вытирая руки об фартук, который висел у него на плече, заикаясь, выдавил:

– Э-э-эх, вы!.. вам стараешься из кожи лезешь, а вам всё не так, я сам два дня нормально не жрал, пытаюсь угодить вам!..

– Оно и видно по тебе, что ты голодный ходишь, – сказал Бекас, – душло вон в штаны уже не влезает!.. ты пальцы-то не растопырявай, а давай готовь что-нибудь на завтрак.

Не прошло и больше получаса как вся дружная – а иногда и не очень – компания сидела за длинным столом и поглощала яичницу, плавающую у каждого в тарелке в растопленном

бараньем жиру. Вася Оглобля проглотив как устрицу всю яичницу одним махом почти целиком, принялся макать хлеб в топленый жир и вскоре в округе себя съел весь хлеб, а тарелку вылизал лучше собаки, после чего с недовольством сказал:

– В детском приюте для бездомных и то лучше кормят!.. проглотил, даже зубы не успели попробовать. Эй ты, клоун, – посмотрел в сторону Миши повара, – если и в обед так накормишь, я тебе глаз твой на одно место натяну или в-твоей же сюррепе утоплю! От такой еды я вам честно скажу, даже во рту завоняется.

– Я вас умоляю, Василий Оглоблевич, если вам так не совсем нравится, то в чём собственно вопрос?.. беритесь и сами готовьте, я лично на эту должность сам не набивался. Вы спросили тогда, кто хоть раз что-то готовил, я честно сказал, что третья жена совсем в этом деле не рубила – не сидеть же мне было голодным всё время.

Оглобля поплямкивая языком во рту, словно пытаясь выковырять из зубов мясо, окинул голодным взглядом стол по периметру, снова повернулся к повару Михею, который стоял в стороне, ожидая окончания завтрака, при этом тербил полу фартука, спросил в его сторону:

– Слушай, поварёшка, ты себе яйца жарил?

– Вон на сковородке ещё лежат я после вас... – потом поем.

– Вот это достойный ответ!.. давай её сюда. Себе ты еще нажаришь, а то и до копчика ни грамма не добежит по пути всё растеряется.

В эту минуту за окнами вагончика послышался шум двигателя автомобиля. Все двенадцать человек, будто по команде вскочили с лавок и, вытянув шеи, уставились в окна. Хлопнули двери Уазика, и тут же в вагончик вломился Дыня. Все присутствующие не успели ни сообразить, ни сесть на место: так в стоячем виде они и встретили своего смотрящего. Дыня взглянул с усмешкой на всех сразу, после чего сказал:

– Вот так и надо встречать старших по званию, а не лёжа растянувшись на кровати. Но есть сомнение, что это вы неспроста и тема большая есть. Знает киска, чьё мясо сожрала!..

– О чём ты, Дыня, какое мясо?.. – спросил Бекас.

– Объясню немного позже, доедайте свой чай.

Вприхлёбку, наклонившись над столом, все пили чай, а Оглобля заканчивал вторую порцию яичницы. Дыня в это время, заложив руки в карманы, стал прохаживаться за их спинами взад вперёд по проходу. Оглобля, оторвавшись от тарелки, взглянул на него, недовольно сказал:

– Возьми вон табуретку да присядь, чего ты ходишь над душой, будто надзиратель на зоне, а то присядь чайку с до роги между делом.

Оглобля, тем самым подстегнув словами Дыню, и тот не стал дожидаться, когда допьют все чай, выпалил как из ружья:

– Ну что, волки позорные, каяться будем или как?..

– В чём каяться?.. ты толком объясни, – спросил Бекас.

– Три дня подряд на ростовский мясокомбинат баранов вы грузили?..

– Ну и чего здесь такого не впервой, – сказал Бекас, – что не тех погрузили?.. так не мы их через раскол прогоняли; там всем командовал Филимон бригадир и чабан Кондрат... ещё там Мося Абрамович завхоз всё крутился. Так что всё-таки случилось, скажи?..

– Овечки пропали. Абдулу звонили, и просили разобрать-ся, вот и послал меня он за сто вёрст по гололёду!.. Предстоит выяснить, куда делись бараны. Мне бы очень не хотелось, чтобы сюда менты приехали, сами подумайте вам это надо?.. Говорят, что ваших рук не минуло. С кого начнём... или выставить всех вас за дверь и по одному вызывать?..

– Как прикажешь понимать, Дыня?.. – спросил Бекас, – слушай, не бери ты нас на понт и не гони сюда ишака. Вешать на нас каких-то непонятных овечек не в масть! Дознание тут он устроить хочет, пусть сначала докажут.

– А может, обсчитались, когда грузили?.. – сказал Оглобля, – всякое бывает, притом последние две машины уже по темноте баранов заталкивали.

– Если ты уверен в этом тогда пойди и докажи им это, а они утверждают что на двух точках пересчитывали, – уже спокойным голосом продолжил, – я тут мозгами пошевелил, прикинул кое-что – дело слишком мутное, словно под вас сработано на прощанье, мы то их через пару тройку дней по-кидаем. Вас двенадцать и овечек пропало тоже двенадцать.

Получается, каждый из вас закинул к себе на хребет барана и потащил в степь волкам на продажу. Транспорта у вас нет, продать им тоже не могли: чего бы они спрашивается, сами у себя покупали?.. Съесть стоко вы тоже не могли – не влезло бы. Бред какой-то!..

– Я вам так скажу, – подал свой голос Лява, – сами они в натуре эту кашу заварили, рамсы попутали и нам за погрузку баранов платить не хотят. Богдельню у себя устроили, а нас крайними хотят выставить. Последнее время вместо мяса привозят одни мослы: вон сам погляди возле печки куча лежит, и в кастрюлю загляни – одни рога да копыта. Волков в степи и то лучше кормят, те свежее мясо всё время едят. Подохнет худая или больная овечка, а то гляди и от старости, скорее всего, обдерут, падлы, шкуру и мясо обрежут, а мослы, чтобы не выбрасывать нам втюхивают!..

– Скажу, что веду расследование, – сказал примиряюще Дыня, – волынку потянем, чтобы ментов не позвали. На днях, может даже завтра, трактора придут, перетягивать всё будем в другие края. На родину Абдулы поедем в Калмыкию и там теперь жить будем. Так что на всякий случай соберите все хари. Переезжать, возможно, и в ночь придётся, а с баранами пусть потом сами разбираются, куда они у них делись. Вот за погрузку вам уж точно не заплатят. Ну, не отчаивайтесь калмыки, как и шеф наш, народ добрый заработаете ещё.

– Так, а за сараи разве лаве не будет?.. – спросил Шурик-Перс из Еревана, – чё даром пахали?..

– Я же вам уже говорил, что деньги Басмач увёл, но Абдула человек добрый кое-что передал. Выдам по месту жительства, когда на точку прибудем, а то отдай вам щас, дорогой всех растеряешь. Чачи баллон в сорок литров привёз... – на зиму хватит?..

– Смотря кому, – сказал Оглобля, – мне бы... так по три литра на два дня... скоко же это будет?.. нет, без счётов не

высчитать. Переезжать, так переезжать – даже лучше, здесь всё уже в печёнку въелось, жизнь собачья. Ты хотя бы по пути лахудру зачуханную подцепил и на всех привез...

– Ладно, хватит базарить, пошли инструмент и всё прочее собирать, – сказал Бекас и вышел из вагончика. Вслед за ним нехотя с лентой стали выходить и все остальные члены бригады. Следом за Оглоблей неотлучно таща ноги по земле, плёлся Толян-Прыщ, направились в сторону теперь уже бывшего строительного объекта. Толян, с недовольством в голосе шёл и бубнил:

– Привёз, курва, целую флягу бурды и зажилил, хоть бы голову поправить дал, арбуз несчастный!.. Слушай, Васёк, давай не будем спешить с этим отправлением неизвестно куда... – может, вообще ноги сделаем... а?.. чё молчишь?..

– Однако ты Толян, я сморю, дуб дубом!.. куда тебя хрен понесёт – на зиму глядя?.. По степи поползать на брюхе заходиться? Тюлень ты и выбрось из мозгов свои светлые мечты до поры до времени; тут буржуйка на зиму имеется, жратвы всегда не ложкой отмеряют, а ты хочешь мохнатую задницу у себя в одночасье заиметь. Такого в жизни, Прыщ, не бывает. Забудь дурные мысли и выбрось из головы... пойдём уже по сараям лопаты собирать.

Вскоре Толян, неожиданно совсем другим голосом воскликнул:

– Оглобля, как мне раньше не допёрло, и ты не подсказал... – это же получается, что мы отправляемся в ту сторону, где я живу?.. Там гляди через бугор и дома!.. Вот, дела!

Только было дошли до дверей новой кошары, как из неё вышел заведующий овцефермой Филимон, взглянув на них с каким-то подозрением, сказал:

– Здорово, мужики: бандерлоги из африканских джунглей!.. с овцами разобрались?.. а то я выведу вас на чистую воду!..

– Чё, ты такой нервный и злобный, Филя?.. бандюгами ещё нас обзываешь, – сказал Оглобля, – какие овцы?.. чё ты тут пургу в глаза порошишь?.. мы их в глаза впритык не видишь твоих лохматых! Ты сюда затем и явился, чтобы пронюхать что-то? Так загодя говорю тебе, облом выпадет на карты! Сами стоворились, так сами и банкуйте, зачем с больной головы валить на здоровую...

Не моргнув глазом Филимон открыл рот, собирался что-то сказать в ответ, но Оглобля тут же дополнил свою речь:

– Ты думаешь, мы не догадываемся к чему эта комедия?.. да подавитесь вы теми грошами, что нам за погрузку положены!.. – обошёл заведующего стороной и направился в овчарню.

Вечером следующего дня из Калмыкии прибыли два трактора «Беларусь». После десятичасовой дороги трактористы подкрепившись, отправились до утра спать. Ранним утром следующего дня пока прицепляли, поговорили и чайку на дорогу попили, за окнами совсем рассвело. Первым трактор тянул жилой вагончик, в котором сидело братство мастеров, лопаты и лома, следом плёлся второй трактор, который тащил будан со строительным инструментом: растворомешалка, носилки, корыта и всякая другая всячина необходимая в работе. Как сказали трактористы, путь предстоит долгий. Стали голову ломать, как лежать на постелях будут. Двух ярусные кровати были вверху прикручены проволокой к стенкам вагона, но видимо все крепления давно разболтались и сейчас они ходором ходили как холодец. Микстура, сидя на лавке, окинул взглядом стеллажи, на которых спали, сказал:

– На низу ещё как-то и можно прикорнуть, даже если свалишься падать не высоко, а вот за верх можно забыть. Я как-то давно на катере по морю плыть в шторм пришлось и то кажись, лучше было.

Его рассуждения прервал Оглобля; выказывая своё равнодушие к происходящим событиям, громко сказал:

– Начинаем заново жить, чё носы, быки, повесили, сидите, как притухли?.. Колёса катятся ближе к ускоглазым, там гляди вращай ногами в степь или свалим в Элисту, говорят, там жить намного легче.

– Оглобля, не гневи Бога, с чего это ты взял, что там чем-то лучше? – спросил Микстура, – нет, если мне память не изменяет, то может быть ты и прав в чём-то. У нас хоронят лёжа в могиле, а у них, говорят, сидя, так, скорее всего на том свете удобней пребывать. Вот прибудем на место, Дыня подогреет бабками и чачей, устроим небольшое новоселье.

– Закваска, ты если не шаршишь, то кладбище сюда не притуливай. В прошлом году помните, один пижон, приезжал на ферму на «Волге»?.. Вот я тогда в сторонке с ним немного покалякал. Рассказывал, что живут они в своей республике совсем не так как мы.

– Неужели как в коммунизме?.. – спросил Прыщ, и сам же ответил на вопрос, – ну, правильно – мы бормотуху и всякую дрянью пьём, а они кумыс подобие нашей браги из сахара...

– Толян, не в обиду, закрой хайло, и не перебивай, когда старшие говорят. У тебя, Прыщ, видимо ещё из роддома в уме токо то, что по мозгам шибает. Я к чему... – перебил, падла, всё из головы выветрилось. Ладно, приедем, разберёмся, что к чему.

– Вот кстати напомнил про бормотуху, история одна в голове всплыла, – сказал Микстура, хотите, расскажу, как нас троих одна шалава развела?..

– Валяй, Закваска, всё равно ехать ещё долго, – сказал Оглобля.

– Не обидно бы было, если бы бабки те, на которые она нас сделала, были заработанные где-то, на шашке, хрен с ними, где наше не пропадало, а то ведь кровные – на Зоне вы-

данные, мне, к примеру, так за все шесть лет, а у моих корешей по четыре с половиной набёгло. Прибыли мы это на радостях в город на вокзал; немного по водочке с пивком причастились, а тут как из-под земли... не видели, откуда она и взялась, мочалка мочалкой к столу подваливает. Ну, с голодухи-то кто станет разбираться?.. но наглеть не стали хрен её знает, что

у неё на уме – сразу договариваться по-хорошему стали. Видим, натура перед нами сложная стоит я бы сказал, мечтательная и у меня хоть на грибы иной раз нюх подводит, но на этот раз всё-таки в душе какое-то подозрение возникло. Спрашиваем, – обслужишь по полной программе троих, а она, не моргнув глазом, и говорит, что нефик делать не впервой. Допили, значит, стали в округе место искать, а она и говорит, что типа не затрудняйтесь вы типа здесь впервые, так что ещё на мусоров нарвётесь, пошли – говорит – за мной место надёжное. Привела нас в какой-то сарай, где чёрт ногу сломит. Прошли в дальний закуток: под досками нагнувшись, порылась, вытащила оттуда пару пузырей и говорит: «Я люблю пить токо своё, но если хотите и вас угощу...». Ну, чё спрашивается на дармовщину не выпить, к тому же за работу ещё ей предстоит заплатить. Выпили, чем Бог послал!.. как ещё очухались хоть на этом свете, а не на том. Через часик пришли в себя окончательно, пошарили по карманам – даже копейки выгребла ни копейка на троих!.. Вот это я вам скажу любовь на троих! И это я не преувеличиваю; вот тебе и мочалка! Так у кого мозги не на месте оказались?.. Кабы не она, сучка, возможно бы сейчас я с вами бы тут и не сидел; водоворотом дальше карусель завертелась, пока в этих диких степях не очутился, корешей по пути растеряв!

В вагончике установилась тишина, каждый обдумывал услышанный рассказ, и мысленно примерял к себе. Молчание прервал Лява, задумчиво, сказав:

– Забавный случай... надо себе в голове на всякий случай пометить и крепко запомнить, чтобы самом не нарваться на

подобное. Жадность вас погубила!.. Вы чё не могли за свои деньги купить два пузыря?.. Вот это вы попарили свои шишки в голове!.. Бабло у вас было... так?.. она мочалка... так?.. Так в баню надо было её тянуть, и там мочалить: пусть бы спины вам тёрла или вы ей, а вас хрен в сарай какой-то вонючий потянуло! Вот дебилы!..

К концу дня за окнами вагончика вдаль увидели в степи отару овец, и два шатра-юрты Миша повар весело воскликнул:

– Опа – на!.. Ват тебе и Монголия в картине... кажись в-о- он, в дали и верблюды пасутся.

Ехали уже по землям Калмыкии. К вечеру были на месте, а Дыня встречал их с улыбками, тут же на ходу объясняя, что недалеко расположен посёлок Госта, а вон та речка каким-то Харазухом называется, есть ещё озеро невдалеке, летом купаться будем. Немного подумав, дополнил, что и до самой столицы рукой подать – не больше, сорока километров. В тот вечер выдал по сто рулей на человека, занёс в вагончик и поставил на стол две трёхлитровые банки чачи, на каждого по банке консервов «килька в томатном соусе» и по булке хлеба. Сделав напутствие и сказав, что калмыки кормить вас завтра станут, сел в машину и уехал. Закуски, считай, не было, а чачи по бутылке на рыло потому вскоре все захмелели. Утром вдруг обнаружили, что куда-то Прыщ делся. Вначале значения не придали, подумав, что по нужде отлучился, но спустя время поняли – нужда здесь не при чём. Больше всех конечно в расстройстве был Оглобля. Вначале прочесал всю округу, не обнаружив даже следов своего закадычного друга, вошёл и сказал с огорчением:

– Да чё его искать?.. знаю я, где его понесло, не посоветовавшись, неблагодарный! Я за ним как за дитём, а он так и не понял, паразит! Через бугор пошёл домой к себе, только я здесь что-то бугров ещё не видел. Между прочим, я за ним давно заметил, что он придурковатый.

Присутствующим было наплевать – есть Прыщ или нет его. Оглобля, изливая душу больше себя успокаивал, и следующие дни он ходил задумчивый с плохим настроением не желал ни с кем разговаривать. В течение всей зимы так Прыщ и не объявился. Со временем о нём все забыли и если кто, и вспоминал изредка так это Оглобля.

Зима в этих краях не подарок: мокрый снег переходит в дождь, сменяясь гололёдом и настом, куда ступня по щиколотку проваливается, словно под лёд. На смену приходит колючий пронизывающий ветер и снова всё по кругу. Всю зиму свозили стройматериалы для

будущего строительства сара-ев для овец, этим бригада и занималась до самого марта. В марте всех отправили разгружать солому в тюках, которую машины марки «Зил» и «Колхида» интенсивно возили из Краснодарского края: трава ещё не выросла, а овец кормить чем-то надо было. В конце марта из-за Каспия с просторов необъятных песков пустыни Кара-Кум пришёл тёплый поток ветра, который просушил дороги, и в несколько дней степь зазеленела, но для баранов в их многотысячные отары это ещё был не корм. Было воскресенье, и день выдался не по-мартовски особенно тёплый и у бригады строителей был выходной, до этого всю неделю солому в тюках разгружали. К жилому вагончику неожиданно подкатил

«Газ-бобик», как его называли в народе: без тента одни дуги торчат, пикап времён ещё послевоенных. На этой машине по овцефермам обычно ездил директор овцесовхоза, которого звали Азимхан, но в бригаде строителей его называли Азимом. Сейчас на нём приехал Джафар. Выпрыгнув из машины, вбежал в вагончик, окинул лежащий на кроватях свой контингент, сказал:

– Так, ханурики, не в обиду за воскресенье, но придётся поработать, а завтра отоспитесь.

Прибыло три машины с соломой: разгружаем две на первой овцеферме, одну на четвёртой вываливаем. Азимхан обещал вам на вечер барашку на сюрпу выделить.

– К барашку чачу выделите? – спросил Шурик-Перс.

– Спросите у завхоза, ему тот баллон я сдал, так Абдула велел. Короче не будем долго договариваться, машины уже под конторой стоят, Бекас, шустрой собирай их.

Снимая тюкованную солому из машины, квадратные тюки относили в сторону и штабелевали ступенчатой пирамидой. Устроив перекур, Бекас с Лявой влезли на самый верх тюков, и сидя вдвоём от остальных вели беседу, Алексей принялся угоривать своего друга всё на ту же тему сделать ноги:

– Зря ты, Бекас, меня не слушаешь, не в обиду, но ты как форменный дикарь и опасения твои худшие, чем мысли у барана, будто у тебя мозги не на месте. Скажи, ты тут до старости решил подзадержаться?.. я лично не собираюсь, если на то пойдёт, как и Прыщ свалю, только меня вы и видели.

– Отстань, Лява, сам подумай добираться не близкий свет, где деньги на дорогу?

– Я и это давно продумал, так сказать – до копейки. Ты думаешь, что я по вечерам сказки читаю только затем чтобы узнать, как принцессы в гаремах живут?.. глубоко ошибаешься. В тех, казалось бы, для многих глупых сказках много интересных вещей повстречать можно – таких, что подсказывают, как надо поступать иной раз в жизни, а вы все смеётесь надо мной.

– Лёвчик, я книжек не читаю и пока что, дай Бог, здоров ещё.

– Да я же тебя не заставляю их читать!.. Смотри, Бекас, в нашу сторону кто-то скачет... – как идёт красиво словно стрела, выпущенная их лука!

Оба стали смотреть в степь на стремительно приближающегося наездника остальные члены бригады тоже поднялись на ноги и с интересом стали вглядываться в ту сторону, куда смотрели два друга. Наездником лошади, которая

вскоре подскочив, и резко осадив её, у самых ног любопытной толпы оказалась девушка. От удивления на мгновение все примолкли. На добротной ухоженной лошади в седле, как опытный наездник сидела совсем юное создание. Девушка одета была в традиционный казахский женский наряд. Волосы на голове туго стянуты косынкой с узлом на затылке, на ногах сафьяновые малиновые сапожки, в брюках, которые носят восточные женщины, а поверх из плотной материи сафьяна безрукавка на меху. Лицом она явно не похожа была на калмычку – это каждый тут же про себя отметил. Если бы не сам наряд на ней восточный, то её смело можно было принять за молдаванку или румынку, да за кого угодно вплоть до красивой цыганки, но только не за дочь бескрайних просторов Казахстана. Чем дольше Владимир Чижиков смотрел на незнакомку, а это-то и длилось всего в протяжённость трёх минут, но ему показалась вечностью, к тому же, с ним что-то стало происходить. Испугавшись, этого

не- обычного чувства, которое впервые посетило его существо и того внутреннего состояния самой нервной системы он, встряхнув головой, скатился в мгновение вниз на землю от самой вершины соломенной пирамиды. Очутившись у передних ног лошади, Бекас дальше не знал что делать, но девушка вывела его из забытья и сказала мягким таким баритоном, возможно последствия долгой скачки на лошади:

– Здравствуйте, парни, мне нужны водители из этих машин. Там в степи километрах в двадцати отсюда, – повернувшись в седле и указывая рукой в направлении куда-то в степь, – машина с соломой по большому счёту, как сказал водитель, сломалась. Меня послал отец надо туда отправить две машины: солому перегрузить в одну, а вторая сломанную оттащит на центральную усадьбу совхоза. Так как быть?..

– Сделаем, о чём базар!.. – сказал Бекас и тут же спохватившись, добавил, – извините, если можно.

За спиной Бекаса из толпы кто-то язвительно сказал:

«Нашёлся делалщик, а нам горбатить!..», но Лёвчик обернулся и пресёк вольнодумство: «Закрыли намертво пасти, мудаки, паршивые!..».

– Пойдёмте девушка, я провожу вас к водителям, они где-то в конторе сидят, – сказал Владимир. Она легко спрыгнула на землю взяла лошадь под уздцы, и они направились в сторону строений фермы. Первые минуты шли, молча: Владимир пытался осмыслить то, что неожиданно-негаданно произошло к нему, казалось совсем нестати из этих диких степей в образе этой необычной девушки: где-то на подсознании он начинал понимать, что он пропал!.. Идти до фермы было не менее километра, Владимир наконец-то обрёл уверенность в себе, сказал:

– Разрешите узнать ваше имя, меня Владимиром зовут.

– Гульфем... – это вам разве что-нибудь говорит?..

– Да, в общем то ничего, но имя очень красивое даже на слух певучее, мне очень нравится. А на русский в переводе как будет?

– Точно не знаю, но в школе меня Галей многие называли.

– Нет, Гульфем лучше – голубя напоминает – голубку – это лично моё мнение.

Она лишь сейчас осмысленно посмотрела на рядом идущего юношу и улыбнулась. Её обаятельность, привлекательность, сама красота лица и та прелесть, которая отражалась, даже в её походке рядом с лошастью всё больше покоряло сердце этого грубого по жизни парня. Ему хотелось идти до фермы как можно дальше, отдаляя во времени тем самым разлуку, и он невольно замедлял шаги, а окружающая тишина и редкие чириканья степных птичек способствовали этим первым в его жизни страданиям души и навевали грусть.

– Гульфем, расскажи о себе, – сказал Бекас первое, что пришло в голову лишь бы не молчать.

– И что бы вы, Владимир, хотели обо мне знать? – спросила она, улыбаясь, при этом посмотрела в его лицо.

– Всё!.. – сказал Владимир и умолк.

– Но это же невозможно!.. ну сами подумайте, юноша... – во первых я вас впервые в жизни вижу да и рассказать всё о себе не так уж и просто. Вон писать пришлось автобиографию, поступая в институт, и то часа два пришлось потратить. А вы, Владимир, как вы сказали, желаете всё знать обо мне.

– Прости, Гульфем, это я, наверное, от волнения не подумав, сказал у меня подобное впервые...

– Что, Владимир, впервые... – что-то я не совсем вас понимаю?..

– Мы уже подходим, – стал частить в словах Бекас, – и времени у меня больше не будет, потому скажу всё как есть, и другого случая чувствую, у меня уже не будет. Нечего тут понимать! Честно сказать лучше бы ты не приезжала, теперь хоть иди да топись вон в той речке, ибо повеситься у вас тут не на чем – деревьев нету!

– Что с вами, Владимир?.. откуда такие страсти я ведь повод вам не давала!.. – в чём я могла за столь короткое время перед вами провиниться?

Приостановившись и пропустив немного вперёд Гульфем, словно боясь смотреть ей в лицо, почти прокричал:

– Повод, милая Гульфем, в твоей руке, которым ты лощадью управляешь, а то, что внутри меня туда верёвку не привяжешь. Скажу сразу всё!.. а там хоть пусть конец света завтра случится!.. потому что жизнь вижу моя, теперь совсем с копыток, пойдёт!..

– Не надо больше ничего говорить, прошу вас!.. Я и так – ещё там – когда вы скатились с соломы, и стояли предо мной, по вашим глазам поняла... – Гульфем на секунду запнулась и уже тихим голосом досказала, – на меня, так ещё никто и никогда не смотрел... – успокойтесь и я вам обещаю, что непременно к вам ещё наведаюсь.

– Если не приедешь... – совсем не знаю, как и жить дальше!.. ради всего святого приезжай, ещё – хотя бы один разочек... – приедешь?

– Напрасно вы, Владимир, мне не верите и сомневаетесь в моих словах. Конечно, приеду. Два раза в неделю я регулярно выезжаю в степь для скачек, на своей вот этой красавице Венере так её зовут: она добрая послушная и быстрая на ноги лошадь.

– Гульфем, ты сказала, что тебя отец послал, а кто твой отец?

– Директор овцесовхоза Азимхан знаком вам, Владимир?..

– Тогда мне точно топиться придётся... – печально сказал Бекас, но немного помолчав, добавил, – не утоплюсь, так всё равно прибьют где-нибудь.

– Владимир, выбросьте глупые мысли; можете мне поверить, что с вашей головы не упадёт ни один волосок, это я вам, как честная девушка обещаю.

Такие стремительно развивающиеся на лету знакомства между молодыми людьми если и встречаются в жизни, то, скорее всего один случай на миллион. Они разом умолкли потому, как в это время они приблизились к домику конторки, от крыльца которого навстречу им уже спешил чабан Ханзур, что-то крича на ходу, а когда совсем встал рядом и пошёл сбоку рассыпался в любезностях перед Гульфем:

– О!.. незабвенная наша, Гульфем, какой роскошный и красивый подарок вы нам преподнесли своим посещением...

– Хватит, Ханзур, славить меня, – прервала она чабана, который намеривался, видимо читать хвалебные псалмы бесконечно, – где водители тех двух машин?

– Водители?.. – Гульфем, драгоценнейшее создание Аллахом в подарок нам в образе вашем... – они лежат, ноги вытянув на кроватях, – последние слова закончил скороговоркой.

– Давай, Ханзур, быстро поднимай, срочное дело для них отыскалось.

Потягиваясь, ломая с треском в суставах кисти своих рук, на крыльцо вышли два водителя, взглянув на них, Гульфем головой кивнула на Владимира и сказала:

– Вот этот молодой человек он бригадир рабочих помогает с перегрузкой соломы с одной на другую. Сломанная машина стоит километрах в трёх от заброшенного колодца, что у дороги на Сальск; солону отвезёте на пятую ферму, а машину оттащите в центральный гараж на ремонт. Всё понятно вам?..

– Чего тут понимать, – сказал один из водителей, – пусть тогда эту солону быстрее выгружают.

– Кстати, – сказала она, – если бы и вы поучаствовали в разгрузке машин, не развалились бы уж точно!..

После этих слов как птица взлетела в седло, развернула лошадь в сторону Владимира, по сию минуту стоявшего в стороне с угрюмо поникшим видом, улыбнулась ему искренней девичьей улыбкой без всякой фальши и сказала лишь два слова: «Я полагаюсь на вас Владимир...», пришпорила лошадь и спустя пару минут исчезла в степи: только тёмная точка на уже позеленевшем покрывале степной глади всё уменьшалась, удаляясь к горизонту. Бекас с тос-

кой смотрел на эту удаляющуюся точку, пока в глазах не зарябило, зрачок покрылся слезой, и всё растаяло, словно и не было здесь никогда Гульфем. Эту минуту впоследствии он чаще всего станет вспоминать.

Она приехала через два дня. В то утро Владимир в душе стал готовить себя к тому, что он её уже не увидит. Копали траншеи под фундаменты будущей новой овчарни: работал монотонно, со злостью штыковой лопатой рубил плотную целинную землю, вытерев рукавом пот со лба, поплевав на ладони, вгрызался в землю, как это делали бойцы во время войны, пытаясь быстрее окопаться. В эту минуту кто-то, кажется, Шу-

рик-Перс негромко сказал: «Бекас, кажись, по твою душу прибыли...». Владимир подумал, что прибыло начальство с очередной проверкой. Не отрываясь от работы, вслух пробурчал:

«Ещё строительство не начали, а проверяющих начальников толпой понесло...». Он даже головы не поднял и продолжал стругать лопатой стенки траншеи. Ему повторили: «Ты чё глухой?.. к тебе вон принцесса пожаловала, а ты с лопатой не можешь расстаться!..». Новую кошару строили на новом месте у самого берега речки Хар – Зух, а от берега наверх шёл покатым косогор, наверху которого метрах в ста от объекта строительства сейчас застыл как памятник Амазонкам на лошади восседающая, стояла Гульфем. Владимир разогнулся и посмотрел, куда ему кивнули головой, лопата выпала из рук, упав на дно траншеи, он побледнел, что все заметили, сполз как по горке с кучи вырытой земли и, как показалось всем, шатаясь, словно пьяный, медленно пошёл наверх, в сторону девушки. Когда Бекас удалился на достаточное расстояние, кто-то сказал: «Вот это она его околдовала!.. в жизнь не поверил бы, что такое может быть!..». В ответ прозвучало грозное рычание Лёвчика, которому до боли жаль было друга, ибо прошедшие ночи были тому подтверждением: ночами Бекас не спал, курил одну за другой сигареты, одевшись, выходил на улицу и бродил по степи. У некоторых даже подзрение закралось, не двинулся ли парень с катушек. Проскрежетав зубами, Лява громко рявкнул: «Если ещё хоть одна, падла, рот раззявит по этой теме на куски, суки, порву – век воли не видать!..». Установилась неловкая тишина, которую нарушил Оглобля: «И какой в натуре тут смешной слушай нашли?.. тут пора плакать. Вот у меня, к примеру; откинулся я за забор, а там немного с вольнопоселенцами подзадержался, потом и с Марией познакомился. Баба что надо скажу вам. Восьмерьк она получила – мужа своего ухайдокала, но как она мне рассказала я бы его тоже не пожалел; его и три раза грохнуть маловато бы было. Сама она изпод Красноярска родом,

куда и отправилась вскоре, и я обещал прибыть следом, как только родных проведаю; вот третий год уже и добираюсь. Но не это главное. В душе она у меня как червь точит, ночами снится, думаю о ней, и кажется, даже как собака тоскую иногда, а когда выпью плакать по ней начинаю...». В дальнейшем повествовании этот герой исчезнет из нашего поля зрения, но зная его дальнейшую судьбу вкратце скажем. В Красноярский край к Марии он всё-таки доберётся: к тому времени у Марии на тот момент был сожитель, которого она в ту же секунду выставит на улицу, как только Оглобля переступит её порог дома. Оставшуюся жизнь, Василий так и проживёт дружно с Марией в Красноярском крае.

– А вот и я!.. – сказала Гульфем, весело улыбаясь.

Словно во сне Владимир подошёл, остановился в двух метрах от лошади, подняв голову, ответил вместо приветствия:

– Не соврала... – приехала всё-таки... я уж и не надеялся. Прости я даже слов не в состоянии сейчас подобрать, чтобы всё сказать тебе.

– Не надо, Владимир, ничего говорить я и так по вашему состоянию всё вижу и слова, думаю, не совсем уместны в иных случаях. Пойдёмте в степь, я надеюсь, на рабочем месте к вам не будет претензий за ваше отсутствие?

С заоблачных высот проблеснул ярко маячок, вселяя надежду, что завязывается необыкновенная любовь, финал которой предсказать сейчас не в состоянии был сам господь Бог. Доля секунды и она уже стояла рядом с Владимиром, он даже заметить не успел, как это она сделала. Немного отстранив от себя голову лошади, которая пыталась своими губами прощупать из меха её воротник, почему-то с грустью в голосе сказала:

– Пойдём если вы, Владимир, не против вдоль берега реки: вода всегда, когда я на неё смотрю, меня настраивает

на размышления и тогда мне всегда становится грустно у вас, Володя, такое за собой не замечали?..

– Гульфем... прошу, не обращай ко мне на вы я, что такой уже старый?..

– Ну что вы!.. извиняюсь, постараюсь говорить, как вы желаете.

– Можно спросить?

– Спрашивай, – сказала она.

– Понимаешь, Гульфем, я чувствую в душе, что будто чужую удачу присваиваю. Вот смотрю на тебя, и мне всё время кажется: или я сплю, и мне всё это снится, а если это реальность, то она как бы неправдивая и я каждую минуту чего-то боюсь, чего раньше подобного со мной не было.

– Хочешь правду знать, Владимир?.. тогда слушай. Сколько сердец столько и дорог на этом свете – это не мои слова. Твой страх в несбыточности твоих стремлений и желаний, а для этого чтобы избавиться от того что тебя тяготит найти свою дорогу надо. А значит зачеркнуть своё прошлое, затушевать и начать с белого листа. Я примерно предполагаю и вряд ли ошибаюсь, что тебе есть, что вычеркнуть из прошлой жизни. Только в этом случае ты сможешь прожить если и не очень счастливую жизнь, то, по крайней мере, достойную.

– И все те годы, Гульфем, тебя вспоминая так? Почему не договариваешь до конца?

– Это уже в твоих руках, Володя, вспоминать меня или смотреть на меня ежедневно...

– Гульфем, ты как весенняя капля радуешь сердце, в душу надежду вселяешь, но немного времени спустя, тёмная туча собой всё закрывает. Ты для меня как наказание, как садист в юбке...

– Я в брюках между прочем хожу, так что не по адресу. – Сказала она, смеясь, – и лучше всего, Володя, это не строить в самом начале жизни надуманных трагедий и не отрываться от правильного пути и его тебе ещё предстоит отыскать, если конечно, я не обманываюсь в своих выводах насчёт тебя.

Не торопясь шли по-над берегом реки, Гульфем часто поглядывала на гладь воды, а Бекаса привлёк всадник в степи, который всё время параллельно их движению следовал напротив, но не приближался. Не вытерпев не столько от любопытства, сколько от назойливости преследования незнакомца указав рукой в степь спросил:

– Тот в степи охрана твоя?

– В какой-то мере да... – приставленный ко мне по собственному его желанию, я бы так это назвала.

– Поклонник, так что ли?..

– Это Хасан сын Мирзы чабана он за мной по пятам ещё с седьмого класса ходит, а сейчас приставили надзирать за мной. У нас в степи не всегда спокойно бывает, сюда иногда всяких людей не совсем порядочных заносит в особенности из Кавказа. Как-то я ему сказала, чтобы не тратил время зря и подыскивал себе невесту. Знаешь, что мне ответил этот наглый парень?.. Говорит, – ты мне вовсе не нужна, моё дело тебя охранять, чтобы тебя не украли и ничего с тобой не случилось. Не обращай на него внимания.

Владимиру вопреки не свойственному ранее его характеру, чем больше он смотрел на неё, тем сильнее в душе возрастало желание прикоснуться губами хотя бы к её руке, про доступ к телу об этом он даже не думал, как и не допускал такой себе мысли. В его помыслах

похотливая страсть полностью отсутствовала, но и до платонической любви было далеко, ибо он её попросту не признавал. Одно в душе боролось с другим, но страх спугнуть её, как с ветки красивой птичку, которой залюбовался, сдерживал от всех нечестных поступков.

– Знаешь, Владимир... – сказала она и умолкла, словно обдумывая дальнейшие слова, наконец, с каким-то напря-

жением в голосе продолжила, – отец мой ещё после первого нашего с тобой разговора узнал больше, чем я сама об этом знаю. Он собирался своих нукаров на тебя натравить. Вон тот, – кивнула головой в сторону всадника в степи, – поклонник как ты его назвал меня и предупредил вовремя.

Владимир посмотрел в сторону всадника, который сейчас, как витязь из сказки на фоне яркого горизонта стоял как в землю влитый. Он чувствовал, что Гульфем что-то недоговаривает, ибо она как-то резко умолкла, не досказав мысль: терпеливо молчал, ожидая её объяснений. После длительной паузы она всё-таки сказала:

– Хасан меня предупредил. Я пошла к отцу и сказала, что если он это сделает, найдёт меня в одном из колодцев Калмыкии...

– И ты бы это сделала?!.. – с испугом в голосе спросил Владимир.

– Скорее всего – да!.. хотя бы ради справедливости.

– Тогда у меня есть немало шансов, – сказал он улыбувшись.

– Об этом ты мог понять ещё в первый день моего визита.

– Ну, тогда у меня даже слов нет... – давай убежим отсюда!..

– Куда?.. от себя не убежишь! К тому же вместо одного неприкаянного бродяги появится рядом с ним подружка такая же беспризорная. Или не так?..

– Я бродяга, к твоему сведению, подневольный!.. иначе меня бы здесь не было!..

– Это как понять – бродяга подневольный, объясни мне?..

– Ты что разве не знаешь, что вон те все, которые сейчас роют траншею все рабы?..

– О чём ты говоришь... что ты плетёшь, какое рабство может быть в нашей советской стране?!..

– Да-а-а, видно комсомол совсем тебе, Гульфем милая, головку-то твою красивую задурил!..

– Или это довольно глупая шутка с твоей стороны, или я и впрямь ненормальная! Скажи, прошу тебя более, яснее, ибо ничего подобного ранее слышать мне не приходилось.

– Долго рассказывать, Гульфем, и бессмысленно, к тому же мне и самому противно об этом говорить, а у нас с тобой не так уж и много времени уедешь ведь сейчас. Да и зачем тебе это надо... всё равно ничего не исправишь!..

– Нет! вы только посмотрите на это чудовище!.. он, знаешь, мне такие вещи говорит, от которых у меня кровь в жилах стынет, и по коже мурашки побежали, и ему обо всём этом противно говорить! Тогда скажи, кто должен сказать во всеуслышание обо всём этом? Да я как член бюро ВЛКСМ райкома и бывший секретарь первичной комсомольской организации нашей школы всех на ноги подниму, это я тебе обещаю!.. Я вообще-то думала, что вы сюда добровольно приехали деньги зарабатывать, а ты говоришь о вещах, которые несовместимы ни с чем!

– А вот на ноги всех поднимать – это уже лишнее, поверь мне! Пока ты там шум поднимать будешь, нас уже здесь и следы в степи растают, а спустя день может даже меньше тебя все обсмеют и назовут фантазёркой, а после в очередной раз в институт не примут. Иди, жалуйся!.. только тогда мы с тобой уж точно никогда больше не увидимся, если ещё живым меня оставят. Тебе трудно это понять, но меня в данный момент времени в этой жизни не существует и если завтра мои кости в степи обглодают лисицы и вороны, то никому повторяю, никому до этого дела не станет и ни один палец не пошевеливается чтобы меня искать. Нет меня!.. можешь это понять?..

– Что же делать?.. – сказала она тихо и принялась пла- кать. Владимиру сейчас хотелось её обнять и прижать к себе,

но делать он этого не стал и не потому, что робость взяла: страх потерять её из-за неверного поступка. Улыбаясь, и гля- дя в её красивые глаза, к которым так сейчас неудержимо хотелось прикоснуться губами, и испить по щекам текущие эти слёзы он сказал:

– Ну, вот расплакалась!.. – а минуту назад собиралась всем объявлять войну. Нет, Гуль- фем, для этого, прежде всего тебе надо бы вначале одеть кожаную комиссарскую куртку, и нацепить наган, а лучше маузер вот тогда можно и на войну отправляться! Помнишь фильм про ту комиссаршу, что на корабле шмон морякам анархистам навела?.. Вот в таком амплуа у тебя бы всё получилось.

– Всё настолько серьёзно, а у тебя шуточки какие-то глу- пые как у подростка! Скажи чем я смогу тебе помочь?

– Эх!.. Гульфем, милая, – опрокинув голову назад, глядя в небо, подняв кверху и рас- кинув руки, словно пытаюсь обнять небеса, он громко почти до крика сказал, – чем ты можешь мне помочь?.. да для меня сейчас никакой помощи не надо я счастлив только тем, что ты рядом со мной сейчас стоишь! Я сам себе помогу, ты так, кажись, сказала, я горы готов свер- нуть, только бы не потерять тебя!

– Впечатляюще, скажу тебе, хоть на драматический кружок в наш дворец культуры тебя записывай. Роль Отелло у них там насколько помню некому играть ты бы точно подошёл. Чув- ства чувствами, но нельзя забывать о главном иначе наступит день, когда эти чувства будут уже, ни к чему, а то и просто о них за- будешь. Как-нибудь в другой раз я постараюсь сказать тебе по- более и доступнее, чтобы ты кое-что смог понять.

– Гульфем!.. да я скоро сдохну от одиночества, если буду всё время ждать: когда-нибудь, где-нибудь, кто-нибудь! На- ткнусь на кого-то, захлестнёт шквал событий, и я вдруг не- чайно тебя позабуду, я боюсь этого, начинаю думать и со- мневаться в справедливости жизни как таковой!.. а истина в

муках рождается, так говорит мой лучший друг Лёвчик. Я знаю и осознаю, что мне гор- диться нечем и довольно само- критично смотрю на себя: у меня-то и богатства есть только моя молодость да душа какая-то ещё не испоганенная внут- ри, а так... да чего, прости, пустой базар устраивать!..

– Вот нечаянно забывать меня!.. – это прямо в точку – к тому же нежелательно!.. ну а всё остальное – это я бы назва- ла разглагольствованием. Я вполне понимаю твоё отчаянье, но ты – же мужчина не забывай это. Я же сказала, что всё в твоих руках. Договорим в другой раз. Видишь, мой охранник по кругу на лошади скачет?.. это он даёт мне знак, что время моё вышло. Я тоже не совсем свободная и тоже подневоль- ная: как-нибудь об этом подробнее расскажу. Мы довольно далеко ушли от вашей стройки, давай сзади меня сядешь, и я подвезу.

– Скачи сама, Гульфем, я дойду и по пути заодно, каждое слово тобой произнесённое тщательно обдумую.

– Я через два дня приеду, до встречи, Владимир!

Гульфем молнией взлетела в седло, лошадь с места рва- нула как на спринте и спустя минуту она была уже рядом с Хасаном, после чего прищпорив коней, оба скрылись за пе- река- том местности. И только когда, они скрылись из глаз, Бекас направился к месту строительства новой кошары. Ве- чером, поужинав так и не поняв, что он ел за столом: Бекас взял пачку сигарет, спички, накинул, не вдвывая в рукава на плечи куртку, и вышел, молча из вагончика. Все десять чело- век молчаливым взглядом проводили своего бугра- бригадира. Обошёл вагон- чик и на торце уселся на прицепное устройство, поджав под себя ноги, сидел, курил и думал. Минуту более десяти минут, как на углу вагончика появился его друг Лёвчик. Какое-то время стоял и молчал, возможно, ожидая, что Бекас сам что-то скажет, но друг намертво мол- чал: сопел и тянул свою сигарету. Не вытерпев, сказал:

– Бекас, смотрю на тебя, ты на ней совсем мозгами дивулся. Калым тут говорят большой за невесту надо отдать: за чабанскую дочь сто овец, а она дочь директора за неё, наверное, всю тысячу. Где возьмёшь?.. Я понимаю, говорят, – сердцу не прикажешь, но сам подумай век жить в этих степях и пасти баранов?.. К тому же я лично сомневаюсь, что они тебя в своё общество примут. Вот Федота, пожалуй, взяли бы он мусульманин, хоть и наполовину. В случай чего, Бекас, шум может большой кругом пойти: хватаешься ты за раскалённый край железяки! Плохо всё это может закончиться для нас – зуб даю! Я уже месяц тебе толкую про свою идею, а ты так ни разу меня и не дослушал...

– Лёвчик, иди, прошу тебя в вагон, дай самому побыть наедине.

Докурив сигарету, Алексей со злостью бросил окурок себе под ноги растёр его и удалился. Бекас думал о Гульфем: перебирая в памяти каждое её слово, слышал её певучий голос, звучащий в ушах, улыбки и смех и даже ржание её лошади и попытка той укубить его за плечо. На что Гульфем тогда рассмеялась по-детски и сказала, что Венера ревнует её к нему. В последующие две недели она приезжала ещё два раза, но в очередной раз, когда должна была приехать, степь молчала, не принося звука копыт её лошади. Минуло три дня, а горизонт был пуст. Бекас духом упал, хотя и старался перед всеми не подавать вида, а на душе скребли кошки, и предчувствие было чего-то нехорошего. Беря в расчёт первый её визит, причиной которого была сломанная машина, все эти четыре свидания в сознании Бекаса сейчас были великими: как своё день рождение, окончание школы, освобождение из колонии. Жизненный багаж был мелок и ничтожен. Когда минул четвёртый день, а её всё не было, вечером после работы ужинать Бекас отказался. Оглобля, помешивая ложкой в свой тарелке лапшу не приступая к еде несколько

раз взглянув на своего бригадира, который лежал на кровати, уставив взгляд в нависшую сетку второго яруса, спросил, обращаясь к нему:

– Бугор, ну и насколько тебя хватит, как думаешь?.. На зоне я не раз наблюдал, как на голодовку садились... и чего добились? Да ничего кроме помутнения разума. Смотри, сколько просидишь, а то и безвозвратную точку минуешь и слабоумием обзаведёшься заодно. Брось от души советую. Это всё у тебя юность в заднем месте ещё играет, но это – же не сарай, что взял грабарку и вычистил за порог никчёмное. Я так думаю, что она ещё приедет, судя по ней, она не из тех, кто пургу в глаза пускает.

Оглобля не успел досказать свою мысль, когда за стенами вагончика послышался отчетливо стук конских копыт: все вскочили из-за стола и прилипли к окнам. Владимир тоже вскочил машинально с кровати, но к окнам было уже не подступиться, и он продолжал стоять посреди прохода, ожидая, что скажут наблюдатели. Всё длилось минуту две, а Бекас стоял в растерянности. Неожиданно послышались удивленные возгласы сразу нескольких человек, из-за чего Бекас пришёл в замешательство, не совсем понимая их удивления:

«Вот это да!.. – крикнул Шурик-Перс, – такое я только в кино видал!.. надо – же так вырядиться!.. Принцесса! Нет... – королева! Бекас, мудака, а ты переживал! Погляди в окно это же цирковой номер, мать твою за ногу!..». Владимир, придя в себя, ураганом всего своего тела ударил в дверь и вывалился из вагончика, спрыгнув на землю, минуя ступеньки. Он застыл как столб, в двух метрах от ступеней в вагончик, а Гульфем тем временем по большому кругу, как это вы не раз наблюдали в цирке, словно ветер неслась на своей Венере с развевающимся шлейфом за её плечами двух тонких из изящной шёлковой ткани хвостов. К сожалению, мы не обладаем разнообразием колоритного языка, чтобы достоверно

но описать и передать вам читатель всё то, что предстало глазам загнипнотизированного этим видением несчастного юноши. Постараемся вкратце рассказать, то, что мы увидели, а если кому как говорят, – не терпится: закройте книгу и посмотрите на лицевую сторону обложки и у вас появится возможность посмотреть на нашу героиню красавицу Гульфем, правда в обычной повседневной одежде. Начать видимо лучше всего с её лошади Венеры,

ибо она была в не худшем наряде, чем её хозяйка. В гриву и хвост лошади были вплетены блёски, которые в лучах нависшего над горизонтом солнца сияли, переливаясь всеми цветами радуги. Седло, подпруги и стремена, роскошная попона, покрывающая лошадиный круп чуть не до хвоста не говоря о самой уздечке, всё это вместе взятое блестело и представляло вершину произведения тончайшего искусства мастера. А что уж говорить о самой Гульфем, та одежда на ней, которая являлась чем-то мистическим порождением сказки из времён древнего Востока. Она сияла как яркая звезда на небе, как глубина огранённого драгоценного камня, как букет особо подобранных дорогих цветов, как первые лучи утреннего солнца, но самым главным, отчего Владимир не мог оторвать своего взгляда это был её головной убор, а может быть и само её лицо, что ближе к истине. Впервые минуты, когда он выскочил на улицу, Бекас её просто не признал, как это, не стыдно, но это так. Он в оцепенении стоял и смотрел на это цирковое представление и ничему не верил; в сознание закрадывалась мысль, что от тоски по любимой он просто сошёл с ума, а в лучшем случае это всё ему снится. Он с упорством смотрел на развевающийся шлейф ткани на тот не совсем досутупный пониманию замысловатый на её голове узел из той же ткани, а если это была косынка, то из неё можно было бы натянуть шатёр. Всё это так умело было переплетено, уложено слоями и подвязано, что казалось, нет тому ни начала, ни

конца, а само лицо Гульфем было единым во всём этом поистине фантастическом наряде. На этот раз, на Гульфем и брюки были совсем другие. В старые времена в таких брюках ходили персиянки и турчанки. Владимир нахот обратил внимание в самый последний момент, только когда она уже стояла перед ним. Вся бригада, подперев спинами вагончик, стояла уже на улице и с замиранием сердца, а многие с завистью смотрели на это представление. Сделав очередной круг, направила лошадь прямо на стоящего Владимира и почти в полтора шага замерла перед ним. Как и в тот первый самостоятельный приезд с весёлой ноткой в голосе сказала:

– А вот и я!.. – на этот раз выскочить по-воробыному из седла не получилось, да она и не пыталась этого сделать, мешал сам наряд. Не торопясь слезла на землю, встала перед Владимиром, какую-то минуту молчала, вглядываясь в его лицо, после чего немного нахмурилась, вероятно, определив по осунувшейся внешности лица его состояние, сказала, – не сладко, но и не смертельно, пойдём от глаз подальше, а то ненароком сглазят.

Взяла лошадь под уздцы и направилась прямо в степь, явно игнорируя на этот раз, берег реки. На востоке над горизонтом ярко огромным диском горело пурпурное солнце, предвещающая на завтра солнечный и возможно жаркий день. Бекас так ещё и не пришёл в себя полностью: плёлся следом в той же растеренности, в которой он перед нею и предстал. Она несколько раз взглянула на него пытаясь поймать на лету его взгляд, потом женским своим чутьём видимо поняла, что начинать разговор требуется непредвзятый, сказала спокойно непринуждённо и довольно тихим голосом, как бы рассуждая:

– В прошлом году я ездила в Москву поступать в институт на юридический факультет и не прошла по конкурсу... представляешь?... но я всё равно поступлю, чтобы мне это не стоило.

– Я если бы даже попытался в мечтах представить тебя, такой как ты сейчас выглядишь, этого мне бы не удалось, – сказал Владимир, наконец-то придя в себя, – к чему это всё?... можно подумать что не я – а ты прибыла за тем чтобы предложить мне свою руку и сердце.

– В этом как раз ты и ошибаешься. Я приехала прощаться и наряд этот он наш традиционный в таких нарядах мои ещё прабабушки перед своими поклонниками представляли, которых им наделяли, не спрашивая их согласия. Я потому и начала разговор на тему поступления в институт, что на данный момент этот вопрос является главным в моей дальнейшей жизни.

– Это получается рано или поздно ты станешь тем кто, таких как я, в тюрьму сажает?..

– Кому-то же надо и это делать: как, к примеру, ходить за отарой овец или же строить им кошары, как делаешь это ты со своей бригадой. Но ты насчёт этого сильно не переживай мои взгляды далеки от тех, о которых на каждом углу говорят. Прежде всего, я не религиозна; я комсомолка к тому же по убеждению. В ту темноту, что порождена любой религией, не верю и ярая противница любым их догмам. Впрочем, я ещё не согласна с тем доводом и утверждением, что жена и муж должны соответствовать своему статусу равному обоим. Работа, карьера, служба это одно, но всё это не должно касаться моего внутреннего содержания, как и жизни в моей семье. Так что даже в том случае если я стану когда-то прокурором шансов от этого у тебя не уменьшится, Володя.

– Это ты сейчас так говоришь, потом всё забудешь, ещё и подсмеиваться над собой за эти слова станешь. Поступишь так, как это все делают.

– Во-первых, Владимир, я не все – это раз, во – вторых ты плохо знаешь ещё меня потому и ошибаешься в своих выводах. Если нам посчастливится, ты в этом сможешь не раз убедиться и тогда вспомнишь наш этот разговор.

Обратив внимание, и тщательней разглядев свою возлюбленную, для чего пришлось ему как бы невзначай отойти немного в сторону, кроме всяких серёжек и браслетов, по-видимому, золотых опустив свой взгляд, посмотрел на пальцы рук усеянные кольцами:

– Гульфем, ты явно из той сказки явилась про Шахразаду, которую всё время читает мой друг Алексей, на тебе столько повешено добра, что прицепить уже, если захочешь некуда, а тем более где-то по городу ходить сходу под нож подставят. К тому же, как я заметил, ни одного пальчика свободного нет.

– Вот видишь, у тебя изначально мысли на криминал настроены, а это учти плохо от этого надо хотя бы постепенно тебе избавляться.

Она подняла правую руку, оттопырив безымянный палец, остальные сжала в кулачок и сказала:

– Вот этот для тебя, видишь пустой?.. – но не радуйся, я же сказала, что прощаться приехала. Этот пальчик тебе предстоит ещё заслужить!.. С тебя бы вышел хороший муж это я чувствую всем своим сердцем, и я бы с большим желанием вышла за тебя замуж, но для этого требуется столько преодолеть преград, о которых ты даже не подозреваешь! Только я их все знаю. Не знаю... – может быть на этом у нас всё и закончится, чего бы мне очень не хотелось, но учти, больше зависит всё от тебя. Я женщина к тому же ещё и совсем юная девушка и мне мало, что позволено в этой жизни, по крайней мере, пока я не вырвусь из этого адского круга. Вы мужчины делаете этот мир, каким вы его хотите видеть. Что ты, к примеру, знаешь о нас мусульманских женщинах?.. Я отвечу тебе, как я его вижу этот мир мусульманской женщины. Это амфора из тончайших стенок керамики с длинным, таким узким горлышком как шея у лебедя. Сосуд, который покрыт сверху тончайшим слоем глазури с росписью всяких цветов с завитушками. Внутри он доверху заполнен драгоценными камнями самоцветами и сверкающими бриллиантами, сверху горлышко пробкой плотно забили и сургучом запечатали. Затем её оплели лозой, чтобы случайно никто не разбил, а после этого завернули в мешковину и сверху в грубую дрюгу обмотали, чтобы случайно кто не увидел. Но и этого показалось мало. Отодрали в полу доску и в подпол спрятали, чтобы кто-нибудь не украл, доску на место вставили и сверху тяжёлым сундуком придавили. Вот это участь всей жизни женщины мусульманки и я должна смириться с этим?! Я поэтому и на юридический факультет поступаю, куда как я сказала уже самый большой конкурс, для того чтобы бороться всеми доступными мерами с этим! Бороться с той рогожей, в которую нас заворачивают.

Она остановилась и стала смотреть на закат солнца, где из-за горизонта выглядывал один его краешек. Стояла и молчала. Владимир подошёл к ней со спины, легонько еле прикасаясь, положил свои руки ей сбоку на плечи как бы обняв, склонил свою голову ей на спину и упёрся лбом в её шею. Гульфем вздрогнула, выпрямилась в струнку и замерла. Он впервые к ней при-

коснулся руками. Её волосы издавали запах ландыша и ещё не совсем понятого благоухающего аромата возможно настоя трав, которые пьянили сознание, и от чего стала кружиться голова. Так они стояли, не шевель- нувшись, боясь испугнуть своё призрачное счастье не более пяти минут. Наконец, он опустил донизу руки, выпрямил шею, вздохнул тяжело и отступил на шаг, после чего заметил, что Гульфем обмякла, а плечи её, повиснув дали волю рукам, чтобы потеребить украшения на одежде. Она явно испыты- вала не меньшее волнение, чем Владимир, а он, в эту минуту удовлетворившись прикосновением пусть даже к её одежде, предчувствуя быть брошенным на произвол судьбы и те страдания, которые замаячили на горизонте, тихо сказал:

– Я ещё тогда в первый день сказал, что лучше бы ты то- гда не приезжала. Неужели не нашлось никого другого по- слать за этими машинами?.. Как жить дальше?..

Вероятно, у Гульфем от возбуждения пересохло горло, потому кашлянув два раза, она вдруг сказала:

– Простимся, как хорошие друзья: я всегда буду помнить о тебе, и ждать, сколько смогу и сколько на это времени бу- дет отпущено самой жизнью. Лаской твоих рук по моим пле- чам я даже через одежду слышала, как ты меня любишь, а это и есть самое главное!..

Гульфем снова погрузилась в молчаливые раздумья всё продолжая смотреть на узкую полосу заката; неожиданно она резко повернулась лицом к Владимиру и с пылом жарко- го искреннего откровения стала говорить на грани крика:

– Владимир, тебе надо срочно отсюда уезжать; здесь в этой степи ты пропадёшь! Давай я помогу тебе в этом, я де- нег дам завтра же Хасан тебе привезёт...

– Нет спасибо, – сказал Бекас, прервав её прощальное напутствие, – ещё раз спасибо, но я как-нибудь сам. Брать деньги у любимой девушки это довольно унижительно и за- ведомо прошу не присылать никакого Хасана, всё равно не возьму!

– Тебе надо поступить учиться, – продолжила она после небольшой заминки, – ты ещё молод, вся жизнь впереди... скажи, зачем они тебе эти люди, которые тебя окружают?.. Здесь гибель и нет будущего, и я думаю, ты сам это понима- ешь! Я через день уезжаю в Алма-Ату. Там много наших род- ственников одних отцовых сестёр только пятеро. Я там по- ступать в институт буду; ко всему прочему я уже давно должна была быть там, ибо мне подготовитель- ные курсы пройти желательно, а вот из-за тебя никак не могу вырвать- ся, словно верблюд по кругу на верёвке хожу. Мне не стоило соваться изначально в Москву, напрасно учебный год поте-

рля. Так нет же – в столице захотелось учиться!.. престижно, так, по крайней мере, отец сказал не я. Свой адрес Алма-Аты тебе оставляю... – напишешь или нет?..

– Напишу обязательно, если будет о чём, – сказал он и, уходя от темы, спросил то, чего она уже, казалось, не ожида- ла, – Гульфем, можно я на прощанье тебя поцелую?..

– Зачем Володя?.. – почти крикнула она, – не надо этого делать! Не обижайся, прошу тебя, поверь, так будет лучше. Спелый персик, поднеся к губам, непременно захочется надкусить, но всё это для меня слишком рано. Я должна вначале выучиться иначе из этой глухо- мани мне никогда не суждено будет выбраться. Когда придёт время, я сама тебя позову, ты только пиши мне не ленись, но отсюда уезжай немедленно. Здесь всё вокруг не так как должно быть в жизни. Помни, я всегда буду думать о тебе, Владимир!

На степь уже опустилась ночь: оглянувшись, на вдали тускло мерцающую лампочку на жилом вагончике и редкие огоньки овцефермы, которая стояла немного в стороне она ска- зала:

– О-о-о мы далеко с тобой зашли пора и возвращаться. Тот раз не согласился, давай сейчас не Венере тебя подвезу...

– Да ну, ещё свалюсь, не к лицу будет кавалеру перед девушкой на земле растянуться. Я то, за свою жизнь и в сед- ле ни разу не сидел к чему рисковать.

– Но мне тоже пора: отец нервничать будет. Я же ему сказала, что еду к тебе в последний раз – проститься. Он меня любит потому и укротил свой нрав.

– Гульфем, почему в жизни так всё складывается, что искренне любишь, отнимают в последнюю минуту, когда у тебя радость кипит в душе?..

– Глупый ты, потому что ещё молодой. Меня у тебя не отнимают, помни это! И если ты и впрямь меня любишь, знаешь, добьёшься своего, но не моего тела, а то о чём я раньше тебе говорила. Прости, но я всё это понимаю по-своему. Мгновения счастья в объятьях друг друга не смогут ни оправдать, тем более сделать в будущем жизнь счастливой, ибо для счастья ещё требуется упорный каждодневный труд и в какой-то степени работа над собой. К примеру, что касается непосредственно тебя как личности. С чего начать?.. – спросишь, ну хотя бы для начала избавиться от того тюремного жаргона в своей речи и это будет маленьким шагом в том числе и как это звучит не банально, но и ко мне и моему телу, куда вы мужчины больше всего и стремитесь. Сделаешь один шаг, захочется сделать и второй. Желания и слабости, Владимир, надо подавлять в себе – хотя бы некоторые из них, которые сильно выпячивают наружу. У нас их этих всяких недостатков полно у каждого и их слишком, порой много, как сорняков в среде культурных растений – не вырвал вовремя и заполонили они собой всё вокруг, а от культурных растений одни будылья остались. Вы русские не такие как мы – мы немного другие, но в тебе есть тот стержень, я это чувствую, который может сделать из тебя человека, а не что-то такое, которое люди называют: «Оно!».

Она вдруг резко остановилась, протянула руку вперёд, в которой держала повод уздечки: при этом лошадь сделала два шага, и только стремя поравнялось с ней, несмотря на, казалось громоздкий наряд, словно птица в долю секунды вскочила в седло.

– Ну, вот и всё!.. Владимир, мне пора. Может быть, больше и не увидимся, но я буду помнить о тебе. Не знаю, как ты... вы же мужчины всегда хотите по несколько жён иметь... я противница этого! Надо как у лебедей – одна и на всю жизнь!

– Гульфем, ты же адрес обещала дать...

– Он у тебя в куртке в правом кармане... потом прочтёшь; там ещё и коротенькое письмо тебе: вот на него в Казахстан

и ответишь. Только писать не торопись, мне ещё предстоит прижиться там к тому же вступительные экзамены не за горами, а к ним готовиться надо.

Бекас стоял, плечом прижавшись к её ноге вдетой в стремя; она погладила ладонью его по голове, как это делает часто мать со своим маленьким сыном, потом нагнулась и, прижавшись к макушке, сделала долгий поцелуй, после чего распрямилась в седле и резко, словно бросила камень ему на сердце сказала:

– Будь счастлив, Владимир, вспоминай хотя бы изредка обо мне!..

Лошадь с места рванула в карьер и спустя минуту она растаяла в ночи; какое-то время ещё виделось тёмное пятно на фоне безлунного горизонта, но вскоре и оно растаяло по мере затухания звука конских копыт. Минуты спустя справа в степи послышался свежий звук копыт, это вслед поскакал за Гульфем её охранник. Гульфем стрелой ушла в глубину ночи, оставив ему на память в подарок печаль и страдания. В эту минуту ему жить не хотелось, и лишь отсутствие средств покончить с этой опостылевшей жизнью, возможно, ударило его от отчаянного шага. Он долго стоял печальный и потерянный, словно ребёнок брошенный матерью посреди незнакомого места и когда почувствовал на своих губах соленость слёз своих, то вдруг понял, что он и впрямь ещё ребёнок и плачет как когда-то в детстве. Сжав до боли кулаки, тихо завыл, застонал: стыдясь своих слёз и испытывая желание зареветь в полный голос, упал коленями на землю и стал кулаками бить её. Наконец поник лбом в землю, как это делают мусульмане во время молитвы долго так лежал, словно провожая сам след впервые любимой девушки, которая ещё минуты назад присутствовала на этом месте. Спустя время

со стоном встал на ноги, и ещё раз взглянув в темноту, будто надеясь ещё раз увидеть её, обернулся и словно побитая хо-

зьяном собака побрёл в сторону мерцающей вдали электрической лампочки.

Войдя в вагончик, Бекас окинул взглядом лежащих на кроватях сотоварищей, которые молчаливым взором уставились на него, посмотрел на верхний ярус, где Лява как всегда лежал с книжкой в руках, хриплым голосом обращаясь к нему сказал:

– Лёвчик, не в тяжесть спрыгни с кровати, накинь куртку и выйди – базар имеется. Я на улице тебя подожду.

Вскоре за спиной Бекаса уже стоял Лёвчик, не задавая вопросов – ждал; он знал, что торопить Бекаса не стоит, его друг сам всё скажет.

– Пошли дальше в степь от ушей любопытных, – сказал Бекас, – будут много знать, быстро состарятся, а там есть такие, которые даже по губам умеют слова читать, – когда отошли подальше продолжил, – давай Лява рассказывай свой план до конца видно время припёрло!..

– Вот так бы давно!.. а то заткнись, закрой пасть. Значит так... с чего же начать, чтобы ты сразу въехал?..

– Давай коротко, ясно и конкретно по ходу дела всё равно нестыковки будут, а значит и планы на ходу придётся менять. Рассказывай.

– Самый безопасный путь для нас это прорваться к Волге, а там мы уже и дома...

Алексей в подробностях рассказал свой план и когда он умолк Бекас воодушевлённый простотой и доступностью его плана сказал:

– Ты, Лёвчик, всё-таки голова не даром ты свою библию читаешь хоть что-то оттуда подчёрпнул. Значит, говоришь до Волги в компании с баранами, а потом на барже до Чебоксар. Нормально. Мне нравится. И этих лохов заодно Дыню и Джафара, которые нас в быдло записали мы сделаем как шведа под Полтавой. Мы же не дурнее чем Федот, вначале

казалось полоумный и то смог слинять. Прыщ и тот ноги сделал, в своём ставрополе сейчас самогон лакает. Как только кто из них прибудет на объект, так и приступаем к делу. Всё, Лява, пошли в свой сарай, я морально так устал, что, наверное, спать сегодня буду до потери пульса, если к утру ноги не протяну. Вся эта собачья жизнь на нервах – скоро в дурдом попадёшь! Была, не была, а если помирать так с музыкой я им покажу ещё, чего Бекас стоит!..

ГЛАВА 3

Строительные бригады, сформированные из людей без определённого места жительства, в которых трудился самый низ советского общества, на правах рабов существовали не только в глухих степях Ростовской области и Калмыкии, но и на всём протяжении Краснодарского края, да собственно и всего юга России. По колхозам, совхозам: в армянских хит-рожопых бригадах, под крышей криминальных авторитетов и многих, многих, всяких подпольных структур, которые глазу простого советского гражданина видны не были, а если он порой что-то и замечал, и приходилось видеть, то отворачивал похабную свою морду в сторону, говоря при этом: «А чё вы хотели, то ведь Бичи, они то и на людей не тянут! Так – отбросы общества. Мусор всегда присутствует даже в самом опрятном доме...». Из этих бригад подневольных бежали всегда, правда, не всегда удачно, ибо сбежав, мог попасть в другую такую же компанию, а там условия ещё похлеще. К примеру, могли отправить в горы на Кавказ, и будешь там где-нибудь в долинке выращивать опийный мак или коноплю под дулом автомата АКМ. В то время наркота в широком её смысле делала свои пробные шаги и считалась привилегией высшего сословия общества; мы уже в первой книге го-

ворили, что те о которых сейчас идёт речь себя к английским лордам приписывали негласно. Здраво рассудить – больше бы им подошло звание английского дога, а не лорда, но вероятно они вряд ли это осознавали. В жизни наших бродяг по своей прихоти несчастных людей, если это можно назвать жизнью, зачастую присутствовали смешные случаи, а совсем рядом следовал печальный, а то и трагический. Вся эта жизнь полулегальная была скрыта от посторонних глаз общества: по всяким сараям, вагончикам или заброшенным аварийным домам и всё это воспринималось многими как что-то обыденное. Эта категория людей нигде не числилась и как бы вообще не существовала на этом белом Свете разве что где-то в милицейских архивах, куда нос совали довольно редко и в особых случаях. Смешных эпизодов в их жизни хватало, в чём мы в дальнейшем нашем рассказе постараемся вас убедить, но много было и трагического. Работали они в большей части за еду и спиртное питьё. В холодное время года многие от истощения или в угаре алкоголя замерзали в подвалах, на лавочках парков и скверов, а то и просто свалившись в канаву. Зачастую те же «Смотрящие» безнаказанно могли его до смерти забить за неоднократный побег в наездание другим или убить в пьяной разборке свои же. Ворота исправительной колонии перед ними всегда стояли нараспашку, а в спецприёмниках умирали, прямо на нарах, не дождавшись утра. На окраину кладбища в районном каком-нибудь центре приезжал экскаватор: копнул ковшом пару раз, кинули в ямку тело представившегося раба Божьего завёрнутое в салафан, ножом экскаватора загребли, воткнули из фанеры квадратную табличку под непонятным номером и спокойно удалились. Никто их никогда не искал, а если где-то в глубинке в заброшенной и позабытой деревне и ждала его престарелая мать, выплакав все слёзы, то никому ровным счётом до этого дела не было.

В начале июня в степи прошли ливневые дожди: дороги, хотя и подсохли, но в балках и в колее вода ещё стояла. Уазик за рулём, которого сейчас сидел Джафар, переваливаясь с бока на бок в глубокой борозде дорожной колеи, шёл на пониженной передаче, кидая грязь по сторонам, держал путь в направлении овцефермы, где трудились наши герои романа. Джафар злился, матерясь на бездорожье, на то, что срочно отправил Абдула проверить бригады и главное, что нет друга Дыни, который как он накануне узнал, лежит сейчас в ростовской городской центральной больнице. Сейчас он со злостью вспоминал, как Абдула рассказывал про Дыню, которого понесло куда-то в подвальный бар, где ему и всадили нож в живот. Вспомнился наказ о том, что из бригад бегут и скоро работать некому будет, и главное, чтобы кровь из носа цементу достал, что в данное время практически было невыполнимо. Страна вела грандиозную всеобщую стройку гигантов: Тольяти, КАМАЗ и много, много, других объек-

тов, которых пришлось бы перечислять долго. Спрашивается, какие тут могут быть сараи для овец?..

Подогнав машину к самым ступенькам в жилой вагончик Джафар кряхтя, вылез из кабины, несколько раз нагнулся в пояснице, разминая затёкшую спину, после сделал приседания. Подошёл к переднему полуспусценному колесу постучал шину ногой, минуту постоял в раздумьях и направился в вагончик. Бригада не работала из-за отсутствия цемента. Вошёл, поприветствовал, спросил как дела, после чего уселся на лавку за стол и погрузился в молчание. Бекас быстро сообразил, пока Джафар не сдёрнул надо начинать быка брать за рога, встал с кровати, обулся и, направляясь к двери, сказал:

– Джафар, базар есть неотложный, выйдем на свежий воздух, а то здесь душновато.

Уже на улице подойдя к Бекасу, тот спросил:

– Ну и чё за базар нахлынул?.. расписывай по статьям у меня и так от вас голова раскалывается, а у тебя ещё непонятые секреты какие-то образовались.

– Значит так, Джафар, – сказал Бекас, стоя перед своим начальником, – не буду kota за хвост тащить, а скажу прямо и довольно коротко, чтобы сразу въехал...

– Давай без вступлений этих нудных, сказал же, что голова у меня болит!

– Ну, так слушай, зачем перебиваешь. Я, Джафар, последнее время нахожусь в таком состоянии, что мне лично на всё как говорят положить с большим прибором...

– Говори толком чё ты всё какими-то загадками вокруг да около.

– Толком так толком. Не заплатишь денег за два года, хотя бы нам с Лявой, то в следующий раз приедешь сюда, и пустой вагон целовать будешь. Ко мне тут абреки подваливали, сманивают в горы на работу, обещают расплату еженедельно. Бригаде я ещё об этом не говорил, но знаю, что все будут согласны, мы тут подумали с Лёвчиком и всё-таки решили вначале поговорить с тобой. К тому же нам с Лявой домой денег надо выслать, да и одежу на себя купить не помешало бы, а то кроме робы и надеть нечего.

– И сколько ты собираешься домой выслать?.. слушай, чё – то не въеду, чё вы тут мутить начинаете?..

– Слышь, Джафар, ты меня сейчас на понт не бери, давай или по-хорошему договариваться или мы сегодня же отсюда слиняем, не забывай нас десять – ты шас один!.. теперь въехал?..

– И где же я тебе бабки возьму... я чё сберкасса?.. Это надо в Элисту до-Абдулы ехать, а он даже не знаю... – тут Дыня, грёбаный, на больничную койку отправился, а тут ещё и вы со своим ультиматумом. Так сколько вам надо скажи?.. мне-то надо что-то шефу говорить.

– По два косяря на рыло мне и Ляве и, это можно сказать, что мы даром два года пахали, дальше палец об палец не ударю, а скорее всего к абрекам лыжи направим.

– Деньги не маленькие – этот вопрос не по мне.

– Даю тебе день фору. К вечеру завтра не привезёшь, считай, разошлись как в море корабли. И не вздумай мурить. Привезёшь сюда амбалов своих, стоять будем на смерть, и без кровушки не обойдётся, а я постараюсь хорошо всех подготовить. К тому же у абреков ещё помощь попросу они тут недалече.

– Задолбали!.. тут голова раскалывается, а мне ещё пять десятков километров по грязи назад ехать. Добро!.. ты скажешь, я услышал, а там как начальство решит.

На следующий день задолго ещё до обеда приехал Джафар. Остановив машину на прежнем месте, сидел, в кабине не вылезая. Бекас сразу понял, что тот его ждёт. Вышел, прыгнул в салон и, захлопнув за собой дверь, уселся сзади Джафара на переднее сидение, тут же спросил:

– Привёз?..

– Привёз, правда, не столько, сколько ты просил, а только по штуке вам с Лявой. Денег нет – сказал Абдула – немного попозже рассчитается. Дело в том, что за шерсть, что по осени

сдали, совхозам ещё не перечислили, вот щас выбра- ковка пройдёт, отправят барашек на мясокомбинаты, деньги ему вышлатят ну, а он соответственно вам.

– Ладно, потерпим. В город нас с Лявой свозишь?.. хотя бы туда, а назад, может, попутным транспортом доберёмся. В магазин заедем за прикидом и на почту деньги домой отправить. Так как?..

Про себя подумал: «Надо брать то, что дают иначе можно вообще ничего не получить к тому же все планы сорвутся...».

– Зови своего Ляву, – сказал смотрящий, – сегодня у меня голова не болит, да и дорогу уже накатали, свожу вас туда

и обратно, с деньгами вас самих отпускать это мне лишняя головная боль и чирей на заднее место.

Друзья уже через минуту вскочили в салон и уюстились вблизи водителя.

– Ну, чё... рванули, образцовые деточки?.. – спросили Джафар, – как то всё равно не по понятиям у вас получается. Вы сейчас приборакляться поехали, а остальные мымрики, выходит лапу сосут. Конечно ваше дело... то да сё, пятое десьное, а людей-то надёжных и нет одна пьянь да рвань! Тут как снег на голову вечные неприятности посыпались: Дыня вот сгинул с горизонта, падла!.. Давно говорил ему, что когда-нибудь нарвёшься – не верил.

Выскочив за окраину посёлка Тоста, Узик прибавил скорость и шустро понёсся по накатанной дороге, к которой ещё прилипали шины колёс, издавая шипящий звук. Бекас с какой минутой ожидал, что Джафар так или иначе станет спрашивать его за Гульфем, а то ещё и насмеяться начнёт. Тот время от времени поворачивал голову в их сторону, тарактел, прыгивая с одной темы на другую, говорил о всякой чепухе, но о Гульфеме даже не заикнулся. «Значит, не знает, – подумал Бекас, – если бы хоть краем уха что слышал, во рту бы, не задержалось. Как же у них здесь всё довольно чело- вечно построено... у нас в деревне – в округе ста вёрст каждая собака бы знала больше, чем мы сами...». До города Элиста, ехать предстояло не так уж и много всего немногим больше – сорока километров. Как только вскочили в пригород, вскоре с левой стороны улицы по тротуару увидели троих по их направлению идущих молоденьких девушек. Джафар плямкнул, прищёлкнув языком, сказал: «Уф! Чувихи борзые – как вышагивают!.. кобылки ничего...». Поравнявшись с ними, открыл окно, быстро вращая ручку на двери, притормозил машину и, высунувшись из кабины, крикнул так, что те от неожиданности отпрянули к стене дома:

– Мадам... прошу любить и жаловать всем сердцем хочу вас подвести: ножки у вас молодые надо беречь к старости. Вас трое нас как раз получается, тоже стоко... запрыгивайте!

– Спасибо, доброжелатель, в транспорте не нуждаемся... – ответили девушки через плечо и продолжали свой путь. Джафар включил первую передачу ехал вровень с ними и кричал в окно:

– Боже мой! Какие страсти и недотроги мы!.. вот когда постареете и нараскоряку ходить станете, не раз ещё добрым словом меня вспомните, что я вам добра желал. Ну ладно не обижайтесь на нас идиотов; это мы так в уме чуть, чуть помешались; скажите лучше, где у вас тут магазин, в котором бы тряпья было завались?.. а то мы люди не местные можем в вашей столице блукануть.

– Вам магазин «Одежда», наверное, надо?.. – спросила одна из них.

– Вот, вот оно самое, куда человек голяком заходит, а на улицу уже в прикиде.

– Езжайте прямо пока не упрётесь в большую улицу, где транспорту много ходит, на ней свернёте направо, а там смотрите на вывески: таких магазинов у нас много.

– Вот это по деловому, а то боюсь да не хочу, мама заругает... – покедова, девчужечки вы мои родные!.. – поднеся сжатые пальцы ко рту, чмокнул на всю улицу и рванул свой

«Луноход» – так он его называл в последнее время.

Остановившись у магазина, захав прямо на тротуар, Джафар вытащил две пачки денег из бокового кармана куртки-ветровки, протянул через сидение Бекасу, сказал: «Ровно две тысячи рубчиков в банковской упаковке, прошу, любить и жаловать делите уже сами вы кенты между собой». Входя в магазин «Одежда» уже на самом пороге оба разом оглянулись на Узик, желая убедиться в том, что Джафар не следует за ними по пятам. Взявшись за ручку двери, с трудом натяну-

ли на себя её полотно: на двери стояла мощная пружина, явно позаимствованная у зерноуборочного комбайна, а на двери красовалась крупными буквами надпись на трафарете «Просим закрывать за собою дверь!».

– Вовчик, – обратился Лява к другу, следуя сзади его, – брать надо всё, что самое дешёвое нам бабки на дорогу нужны и зеньки свои не вставляй в костюмы для начальников. Когда заживёшь – кум королю сват министрам – вот тогда и нацепишь то, что душа желает. Давай начнём с гамнодавов, потому что в чёботах ходить не-кайф уже давным давно лето настало. Пошли вон в тот угол, где бабские шпильки торчат – там где-то и наша обувачка лежит.

Прошли в обувной мужской отдел. Бекас, подойдя к полке, сдёрнул лакированные сияющие бездной пропасти туфли и стал крутить в руках. Лёвчик скривив рот и ухмыляясь, посмотрел на него, сказал:

– Куда ты их вытащил... ты или полоумный? Поставь на место или ты на свидание собрался к Гульфем?.. Нам нужны ботинки на все случаи жизни, я же сразу сказал, что гамнодавы покупать будем, а тебе лак подавай! Вон видишь, обувачка для зимы стоит, туда и пошли.

– Лява, так лето же настало!.. жарко в них будет ходить.

– А ты что в пуховой постели спать собрался?.. ночами холодно бывает, а спать, считай, что под забором зачастую придётся.

Наконец после долгих препирательств и споров выбрали две пары ботинок из керзухи, но с добротной подошвой хоть по горам скачи: на железных заклёпках вокруг, как и на самой подошве. Бекас по этому поводу сказал: «Ну и чё?.. те же кирзовые сапоги только без голенищ и шнурки в придачу – различия не вижу...». Лёвчик поглядел на него с улыбкой, сказал:

«Буду последней, падлой, если ты меня ещё не раз благодарить станешь!...». После этого они направились к вешалкам, где

висели пиджаки, а за ними брюки. Владимир снял с вешалки пиджак в большую светлую клетку, какие в то время в моде были, и стал примерять, но Лёвчик снова взялся за критику:

– Бекас, ты, что в Америку собрался?.. это токо там у них негры в таком прикиде ходят да ещё у нас клоуны в цирке выступают – кинь его нахрен на место! Впрочем, можешь купить и носить, чтобы тебя за версту было можно разглядеть. Может ты и впрямь, сомневаешься в справедливости моих доводов, тогда скажи, как надо поступить в том, или ином случае. Берём вот эти лапсердаки, кажется, сварганены они из хорошего сукна и, по-моему, если не ошибаюсь то это драп. Поползли дальше, уважаемый покоритель женских сердец, нам ещё много мелочёвки собрать требуется.

Минуло не менее часа, на прилавке перед кассиршей лежала гора барахла. В завершение последним рейсом несли к прилавку две спортивных сумки и две фуражки со вставной катонной лентой, чтоб выглядела почти, как Сталин носил, ну ещё мужики в деревне таскали. Кассирша всё это время с каким-то недовольством поглядывала и на саму кучу «добра» и на самих покупателей: то она хмурилась, то наоборот улыбалась чему-то. Между тем они подошли и коротко сказали:

«Посчитайте нам и упакуйте, пожалуйста, добрая и справедливая продавец – бухгалтерша...» – этот синоним Лява успел на ходу придумать и так выразился. Кассирша скептически посмотрела на кучу одежды и недовольно сказала:

– Вы что не могли по порядку всё сложить?.. навалили как на городской свалке, а мне разбирайся. Ройся теперь бирки ищи, что за народ... – куда вы его нагребли... – никак к войне

готовитесь?.. – сказав, стала по порядку брать сверху, пробивать на кассе тарихтя клавишами кассы и с обратной стороны кидать в такую же кучу.

– С вас пятьсот восемьдесят два рубля и восемьдесят три копейки, молодые люди. Денег у вас столько будет опла-

тить?.. – уставилась она с подозрением почему-то именно на Ляву, словно ему-то больше всего и не доверяет. Может быть потому Лява, а ещё и по причине, что ранее было с Бе- касом уговорено быть кассиром Лёвчику, именно он достал из кармана пачку десятирублёвок, протянув под самый нос кассирше, сделав глупое лицо, наивным голосом сказал:

– Не будите ли, вы любезны, уважаемая кассир-бухгалтер, отсчитать деньги с пачки сами, вы уж нас извините, но в школе мы учились давно и не совсем прилежно успели почти всё по- забыть. Ещё у нас просьба: не подскажите ли вы – эти деньги настоящие или цыганами нарисованные? К вашему сведению они нам их и вручили за ту солому, что мы им загнали по ошибке, она, видите ли, баранам предназначалась.

– Ты из себя-то дурачка не строй!.. – сказала кассирша, – я таких урок как вы за двадцать лет работы уже изрядно тут насмотрелась. Отсчитывай сам – сколько сказала!.. а то по- том скажешь, что я их у вас переполовинила.

– А как мы это понесём?.. – спросил Лява, хлопая по сво- ей ладони денежной упаковкой и глядя при этом на кучу ве- щей, но расплачиваться не торопился.

– Щас, – сказала язвительно кассирша, – панталоны свои подсмыкну, чтобы дорогой их не потерять, губы подкрашу и причепурюсь – как на свидание, принесу вон с полки про- стынь в узел вам всё складу, кассу брошу, взвалю на горб и понесу, куда вам надо. Ты, наверное, это хотел сказать?.. чё, если шли сюда утильсырьё в таком количестве брать мешков из-под шерсти бараньей не прихватили?

– О! вы нам подали идею и за это огромное спасибо в следующий раз придём с меш- ками...

– Лява, – прервал его Бекас, – хватит клоунаду устраи- вать, заплати за товар женщине да пошли уже.

– Куда пошли... а это всё бросим?.. Кто и как его до Уази- ка тащить будет? Джафара не заставишь.

В эту минуту кассирша хлопнула катушкой шпагата по прилавку, сказала:

– Вот вам шпагат сами вяжите до кучи и тащите себе на здоровье можно как вязанку с дровами, если не хотите, не- сите оберемком, стилиаги вы хреновые. Нагребли, чёрт знает чего ещё им и пакуй! То, что вы купили, оно у нас ещё с вой- ны висит в лучшем случае от Хрущёва. Побольше бы таких покупателей, гляди, и от хламья избавились бы, а то в утиль придётся сдавать, и прогрессивки лишат, а то и тринадцатой зарплаты. Это барахло мы не меньше чем пять раз уценяли, но в его сторону даже никто не глядит, хоть совсем убери цену всё равно никому не нужно.

– Почему же тогда вы с нас стоко содрали?.. выходит, что в пять раз надо меньше, – спросил Лява.

– Ты вернись к прилавку, протри глаза свои и прочитай что там написано, а там русским языком ниже цены ясно указано, что все скидки действуют для тех, кто берёт данный товар не менее чем на тысячу рублей. Вот и берите чёботов со шнурками на тыщу рубчиков. Та уценка не про вас, то сов- хозы оптом у нас покупают, чтобы своих чабанов приодеть вот им и скидка.

Лява отсчитывал деньги, перепроверив три раза подряд, а Бекас складывал и увязывал вещи в упаковки. Спустя вре- мя, когда они придут на свою точку жилья, оставшись на- едине, Лява скажет другу: «Бекас, нам сильно повезло, что мы попали именно в этот магазин. Продавщица сама того не подозревая идею мне подсунула я, Бекас, над этим вопро- сом ни одну ночь бессонную голову ломал, а так и не мог ни- чего придумать пока продавщица идею

не сболтнула. Сам подумай, как бы мы тащили чистый наряд свой за собой?.. Сразу на себя не натянешь, тут же спросят, – куда выряди- лись, а вот в мешках, в которые шерсть запихивают как раз то, что надо!».

– Связали?.. – спросила кассирша, – ну и, слава богу, а то у меня из-за вас уже голова разболелась. Идите с Богом да по дороге не растеряйте, а то придётся в одном ботинке ходить.

На выходе из магазина с первого раза в двери выйти не удалось: препятствием оказалась тугая пружина на дверях от комбайна, а то и зерновой саделки. Бекас бросил свои тюки на пол и, оттянув полотно двери, пропустил вперёд друга, после этого Лява кинул своё добро прямо на асфальт, налёг всем телом на дверь, ожидая пока Бекас, соберёт на полу пожитки и проскочит проблематичную черту входа и выхода. Мгновение закрытия двери было ужасным, ибо была веро- ятность, что народ в округе всполошится, а старикам и пожи- лым напомнит про- шлую войну. Только Бекас переступил по- рог и сделал два шага Лява, в ту же секунду бро- сает дверь, словно пращу на древней катапульте. Дверь шарахнула так, что стёкла на удивле- ние всем целыми остались, и это лиш- ний раз подтвердило, что советская промышленность умет добротню делать не только пружины к комбайнам, но и стёк- ла для витрин магазинов, чтобы воры не могли влезть. В эту судьбоносную минуту от ближнего прилавка им вслед крик- нула одна из продавщиц: «Полоумный, недоносок!.. голову свою забыл туда подставить, чтобы она умнее стала!..». Дру- зья продавщицу уже не слышали. В эту минуту они бодро зашагали по направлению к машине, из окна которой на- блюдал ранее происходящие события Джафар. Сейчас он с расплывшейся на всё лицо улыбкой встречал своих оптовых покупателей. Подойдя к Уазу-ку-таблетке, на асфальт броси- ли пакеты открыли боковую дверь, и стали бросать их в са- лон как это делают обычно почтовики, загружая на вокзале почтовый вагон. Забросив последний пакет, с ладоней стрях- нули пыль, которой там с прошлого года не было из-за отсут- ствия сухой погоды, после чего запрыгнули следом, прикрыв за собою дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.